

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Ф70 $\frac{1-5}{11a}$

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ф70 $\frac{15}{11a}$

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

Государственное издательство
политической литературы
1952

РОЛЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В РАСПРОСТРАНЕНИИ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

В. А. Ф О М И Н А

Сложен и труден был путь выработки передовой революционной теории в России. Ленин писал, что марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей невиданного революционного героизма и беззаветности исканий¹.

Лучшие люди России — Радищев, декабристы, особенно Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, — жадно искали и пытались создать правильную революционную теорию, стремясь найти ответы на животрепещущие вопросы российской действительности. Г. В. Плеханов продолжил этот трудный путь многолетних исканий. Имя Плеханова неразрывно связано с распространением марксизма в России в последние двадцатилетия XIX века. В этот период Плеханов выступил как выдающийся пропагандист марксизма в России.

Революционная деятельность Плеханова началась в пореформенный период, когда Россия шла уже по пути капиталистического развития. Процесс превращения крепостнической России в капиталистическую сопровождался быстрым ростом городов, фабрик и заводов, постройкой железных дорог и, следовательно, образованием пролетариата.

Пролетариат в то время был ещё немногочислен, но он непрерывно рос. Количество рабочих, занятых на крупных фабриках и заводах, в 1865 г. составляло 706 тысяч, а в 1890 г. — 1 433 тысячи. Положение рабочих было неизмеримо тяжёлым. Жесточайшая капиталистическая эксплуатация — изнурительный, крайне продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, систематически урезаемая штрафами и различного рода поборами, произвол и беззаконие со стороны капиталистов и царских властей — всё это приводило к недовольству и волнениям среди рабочих, к стачкам и забастовкам. «Первые забастовки в 70-х и 80-х годах, — писал

¹ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, изд. 3, стр. 175.

товарищ Сталин, — обыкновенно возникали из-за непомерных штрафов, надувательства, обмана при расплате с рабочими, сбавки расценок».

Не лучше было и положение крестьян, ограбленных дворянами при проведении реформы и попавших в новую кабалу к помещикам и капиталистам. Из-за непомерной эксплуатации и гнёта крестьяне не могли улучшать своё хозяйство. Остатки крепостничества в виде отработок, выкупные платежи, громадные подати — всё это подрывало крестьянское хозяйство, приводило крестьян к разорению и обнищанию; происходило расслоение крестьянства, увеличивалось количество крестьянской бедноты и батраков. Покидая деревни, разорённые крестьяне шли в города на фабрики и заводы, представляя собою дешёвую рабочую силу.

Крестьянская реформа 1861 г. сделала только «шаг» по пути превращения России в буржуазную монархию, но не тронула самодержавный строй государства.

Россия была крепко зажата тисками царского самодержавия. Царизм был злейшим врагом народа. Россией управляли царь и помещики, охраняемые целой армией чиновников, полицейских, жандармов.

Мрачные годы царствования Александра II после выстрела Каракозова ознаменовались ещё более страшным произволом самодержавно-дворянской власти, кровавым террором и жестокими притеснениями народа. Правительство душило всякое проявление свободной мысли, переполняло тюрьмы революционерами, арестовывало людей по малейшему подозрению в причастности к революционной деятельности. Но, несмотря на это, всё шире разрасталось освободительное движение. Крестьянская реформа 1861 г. оказала прямое влияние на общественно-политическую жизнь России. Сильнее разгоралась борьба крестьян против помещиков за землю. Уже в 70-х и особенно в 80-х годах учащаются стачки и волнения на фабриках, рабочие повели борьбу с капиталистами. Передовые рабочие начали понимать, что успешная борьба с капиталистами невозможна без организации рабочего класса. В России возникают первые рабочие союзы: в 1875 г. «Южно-российский Союз рабочих», основанный Е. Заславским, в 1878 г. «Северный Союз русских рабочих», созданный В. Обнорским и С. Халтуриним. Союзы начали принимать участие в рабочих стачках, руководить ими. Но эти первые рабочие организации вскоре были разгромлены царским правительством.

Главными деятелями освободительного движения в России в период от 1861 до 1895 г. были разночинцы. «Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹. Разбуженная революционной про-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 224.

пагандой великого революционера-демократа Чернышевского, призывавшего крестьян взяться за топор, разночинная интеллигенция выработала к этому времени свои народнические идеалы.

Революционно настроенную молодёжь глубоко волновало бедственное положение народа. Повсюду слышались толки и велись споры о том, в какой форме возможно истинное освобождение народа, возможна ли социальная революция в России, каков путь социалистического переворота в России. Единственно возможное разрешение этих назревших вопросов русские революционеры видели в осуществлении крестьянской революции. Народничество, по мнению Плеханова, было «ответом на вопрос — что может разночинец сделать для народа».

Представители русской революционной демократии 60—70-х годов — народники развернули самоотверженную борьбу за народное дело, за равноправие крестьян с остальными сословиями, за уничтожение привилегий дворянства, за освобождение крестьян. Они старались «просветить и разбудить спящие крестьянские массы» (Ленин), поднять их на борьбу с царским самодержавием. Этим они привлекли к себе внимание Маркса и Энгельса.

Но народники в отличие от Чернышевского не замечали, что капиталистическое развитие России вскоре же после реформы 1861 г. определилось с достаточной силой. Народники в реформе 1861 г. ошибочно усматривали начало некапиталистической эволюции России в направлении к созданному ими идеалу мелкобуржуазного социализма. Они не видели буржуазного характера тех общественных отношений, в которые вступали крестьяне, вырываясь из оков крепостничества. Они верили в «коммунистические инстинкты» крестьянина, видели в общинном крестьянстве борца за социализм.

Вера в возможность крестьянской революции, указывает Ленин, воодушевляла и поднимала десятки и сотни людей на героическую борьбу с царским правительством. Но крестьяне не пошли за народниками. «Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек»¹.

Народничество и в философии, и в социологии, и в политике было шагом назад в сравнении со взглядами революционных просветителей-демократов. Народники, как правильно указывал Плеханов, не стали воспреемниками и продолжателями материалистической линии Белинского — Чернышевского.

После насильственного удаления царизмом с общественной арены Чернышевского русский домарксистский материализм не пошёл дальше того, что было дано Чернышевским и До-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, изд. 4, стр. 295.

бролюбовым. Усилившаяся реакция затрудняла пропаганду материализма. Материалистические традиции русской философии отбрасывались, взгляды Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова нередко извращались. Наряду с этим усиливались идеалистические влияния, в частности влияния позитивизма О. Конта, Г. Спенсера, Л. Блана; всё большее распространение получала субъективная социология, представленная народническими идеологами П. Лавровым и Н. Михайловским.

В середине 70-х годов, в бурные годы народнического движения, началась общественная и революционная деятельность Плеханова, складываются его политические и философские взгляды. Но и Плеханов не остался вне влияния народничества. Он разделял в этот период философские взгляды популярного тогда в России мелкобуржуазного идеолога анархиста Бакунина и представителя русской школы субъективной социологии Лаврова. С позиций идеализма и позитивизма объяснял Плеханов в 70-х и ещё в начале 80-х годов явления материального мира и человеческой истории, отрицательно относился к государству и восхвалял общину как путь перехода к социализму. В учении Герцена и Чернышевского наряду с идеей о борьбе за благо народа Плеханову как народнику были близки сначала именно такие стороны, как вера в социалистический характер крестьянской общины.

Влияние русской материалистической философии, в частности философских воззрений Белинского и Чернышевского, на развитие философских взглядов Плеханова сказалось позднее.

В кружке Натансона, известного народника, Плеханов впервые услышал о марксистской теории, в корне противоположной взглядам Бакунина, Лаврова и Конта, и начал читать «Капитал» К. Маркса. Он интересовался всем, что печаталось в России по вопросам марксизма. Он знакомится с работами Зиберера (его книгу «Давид Рикардо и Карл Маркс» Плеханов особенно ценил и впоследствии цитировал), со статьями последователя Чернышевского — Шелгунова (популярное изложение книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»), народника Ткачёва (о книге Маркса «К критике политической экономии»), Покровского (изложение главы «Капитала» о рабочем дне), с рецензией Кауфмана о «Капитале». В эмиграции Плеханов основательно засел за изучение марксизма и, усваивая исторический опыт рабочего движения, становится на позиции марксизма, порывает с народничеством.

Плеханов был первым русским марксистом, он выступил как блестящий пропагандист марксизма в России. До Плеханова в России марксистов не было, хотя и были популяризаторы взглядов Маркса и Энгельса, разделявшие некоторые

стороны учения Маркса (например, Зибер — известный комментатор Маркса, сторонник его экономического учения; Шелгунов — просветитель, страстный почитатель Чернышевского), но никто из них не принимал полностью марксистского учения и не ставил задачу применения марксизма в России. Не являясь марксистами, они не могли дать правильного освещения взглядов Маркса и Энгельса.

Плеханов первый из русских революционеров искренне и без оговорок принял марксизм и выступил с пропагандой, защитой и обоснованием научного социализма Маркса и Энгельса как самого революционного и прогрессивного учения. Распространение марксизма, утверждение основных его принципов в сознании передовых русских людей и глубокое марксистское освещение положения России конца XIX столетия являются главным плодом усилий Г. В. Плеханова.

В жизненном пути Плеханова можно отметить следующие этапы его политической деятельности, в тесной связи с которой развивались и его теоретические взгляды.

С 1875 по 1883 г. Плеханов — народник. Как активный деятель партии «Земля и воля» он редактирует журнал «Земля и воля». В России он работает до 1880 г., а затем эмигрирует за границу, где находится вплоть до 1917 г., в течение 37 лет.

С 1883 по 1903 г. Плеханов был марксистом. Это был наиболее плодотворный период его политической, публицистической и теоретической деятельности. В эти годы Плеханов выступил с выдающимися работами по теории революционного марксизма.

С 1903 по 1908 г. Плеханов совершает поворот вправо, к меньшевизму, вначале в форме организационного оппортунизма, а затем, особенно в революцию 1905—1907 гг., в форме тактического оппортунизма. По важнейшим общеполитическим вопросам марксизма — об отношении к крестьянству, о роли пролетариата в революции, по вопросу о государстве — Плеханов допускает крупнейшие ошибки меньшевистского характера. Плеханов выступает как теоретик меньшевизма, как отец меньшевизма.

В годы столыпинской реакции Плеханов меньшевик-партиец. Являясь сторонником сохранения и укрепления нелегальной пролетарской партии, он вместе с Лениным боролся против ликвидаторов и махистов, сотрудничал с большевиками. Товарищ Сталин поддерживал линию временного партийного блока Ленин — Плеханов, отвечавшего тогда интересам революционной борьбы. Указывая, что Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии, что он стоял лишь за принципиальные и революционные блоки, товарищ Сталин привёл как пример такого блока «блок

ленинцев с плехановцами, т. е. революционными меньшевиками (тогда Плеханов был революционным меньшевиком)»¹.

Незадолго до первой мировой войны Плеханов окончательно повёртывает вправо. Он переходит в лагерь буржуазного либерализма и во время войны скатывается к социал-шовинизму.

Вернувшись в 1917 г., после Февральской революции, в Россию, он занимает позицию на крайнем правом фланге меньшевиков и, блокируясь с представителями буржуазных партий, выступает с глубоко ошибочными меньшевистскими взглядами по вопросам войны и революции. Плеханов отрицательно отнёсся к Октябрьской социалистической революции и до конца своих дней боролся против партии большевиков, против Ленина. Умер Плеханов в 1918 г.

Переход на позиции оппортунизма, меньшевизма оказал прямое влияние на философские взгляды Плеханова; его старые философские ошибки углубляются, он приходит к прямой ревизии марксизма в ряде основных вопросов диалектического и исторического материализма.

Ленин разоблачал Плеханова-оппортуниста, меньшевика, критиковал и его ошибки в области теории, его отступления от философии марксизма, но вместе с тем требовал изучать написанные Плехановым марксистские произведения по вопросам диалектического и исторического материализма.

«Теоретические работы последнего — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России... — писал Ленин в 1906 году. — Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким»².

Учение Ленина — Сталина — высшая ступень в развитии марксизма, высшее достижение русской и мировой культуры. В расчистке почвы для победы марксизма в России Плеханов сыграл видную роль. Он является одним из лучших представителей передовой русской культуры на рубеже XIX и XX веков.

* * *

Борясь за распространение марксизма в России, Плеханов сыграл большую роль в идейной борьбе с народничеством. Он показал, что взгляды народников ничего общего не имеют с научным социализмом, хотя сами народники и называли себя социалистами. Распространение в легальной печати глубоко

ошибочных, антинаучных, враждебных марксизму теорий народников, народнические «идеальные планы» жизни общества, совершенно оторванные от действительности и противоречащие реальным потребностям материальной жизни общества, отвлекали внимание трудящихся масс от задач революционной борьбы, задерживали развитие классового самосознания и революционной активности рабочего класса.

Первые, кто подверг критике народничество с точки зрения марксизма, были Маркс и Энгельс. Переписываясь с передовыми русскими людьми, Маркс и Энгельс упорно и настойчиво разъясняли ошибочность народнических теорий, укоренившихся в русском революционном движении. Они старались помочь русским политическим деятелям уяснить характер общественного развития России и выработать тактику борьбы с самодержавием.

В России первым марксистом в борьбе против народников выступил Плеханов.

В пору страшных гонений и разгрома революционных организаций Александром III «вешателем», в пору глухой реакции и спада революционной волны пропаганда марксизма встречала большие трудности. Но подлинными произведениями Маркса и Энгельса становились всё более известными в России, хотя нередко народники сознательно перевирали и искажали марксистское учение, чтобы представить его в ложном и невыгодном свете.

Плеханов дал блестящую и глубокую критику реакционной народнической теории и тактики и показал вред, какой приносили рабочему движению взгляды народников и их методы борьбы. Он разоблачал взгляды идеологов народничества Бакунина, Лаврова, Ткачёва, Михайловского как ненаучные. Позже, в статье «Первые шаги социал-демократического движения в России» (1909 г.), он отмечал, что перевираание и подтасовка марксистских взглядов особенно усиленно производились народниками типа Михайловского, Кареева, Кривенко. Они старались обрисовать русских учеников Маркса как защитников капитализма. Плеханов в связи с этим указывал, что старое, революционное народничество 70-х годов почти выродилось и в народничестве взяла верх либеральная тенденция, тенденция к примирению с царским правительством, отказа от революционной борьбы. В 80—90-х годах «пышно расцвело... *«легальное» народничество*. Люди этого направления приурочивают свои надежды и упования не к *мужицкому бунту*, а к *законодательной деятельности царского правительства*. Там, где одни мечтали о *новом Пугачёве* или *новом С. Разине*, другие мечтают о *помпадурах*, своей *мощной рукой укрепляющих устои*»¹. Отказавшись от революционной борьбы против ца-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 8, стр. 241.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, изд. 4, стр. 375.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 68.

ризма, либеральные народники звали к крохоборчеству, проповедывали теорию «малых дел». Общественных деятелей типа Михайловского Плеханов называл пособниками «капитализма в самом грубом, в самом гнусном и в самом вредном его виде»¹.

Созданная Плехановым в Женеве в 1883 г., в год смерти Маркса, первая организация русских марксистов — группа «Освобождение труда» — поставила перед собой задачу распространения в России идей научного социализма путём перевода на русский язык важнейших произведений Маркса и Энгельса и критики с точки зрения марксизма господствовавших в России народнических учений.

Литературные произведения группы «Освобождение труда», указывает Ленин, «печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма»².

Плеханов настойчиво, главным образом посредством своей литературной деятельности, пропагандировал марксистские идеи. В 1882 г. он лично перевёл на русский язык «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, позднее перевёл брошюру Энгельса «Людвиг Фейербах» и собирался писать изложение «Капитала» Маркса.

Группа «Освобождение труда» развернула систематическую пропаганду социал-демократических идей среди русских революционеров. Она «составила два проекта программы русских социал-демократов (первый в 1884 г. и второй в 1887 г.). Это был очень важный шаг для подготовки создания марксистской социал-демократической партии в России», — указывал товарищ Сталин. Эти проекты, написанные Плехановым, были первым опытом составления программы социал-демократической рабочей партии в России.

Но в проекте программы Плеханова и группы «Освобождение труда» имелись и серьёзные ошибки: сохранялись остатки народнических взглядов, допускалась тактика индивидуального террора; отсутствовало требование захвата власти пролетариатом; проводилась лассальянская идея «свободного народного представительства»; не учитывалась необходимость союза пролетариата с крестьянством; либеральная буржуазия рассматривалась как сила, которая может оказать поддержку революции.

Если в народнический период своей деятельности Плеханов разделял взгляды народников на крестьянство, считая одно только крестьянство революционной силой, то впоследствии Плеханов, наоборот, стал отрицать какую бы то ни было рево-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, 1923, стр. 273.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 225.

люционную роль крестьянства. Уже в этом первом проекте программы крестьянство было обойдено, скинуто со счёта.

Несмотря на недостатки программы, она, как указывал Ленин, в основном правильно определяла задачи рабочего класса.

Пропагандой марксизма группа «Освобождение труда» теоретически содействовала подготовке создания марксистской социал-демократической партии в России. Издаваемая группой «Освобождение труда» литература положила начало широкому распространению марксистских идей среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции России. Энгельс в письме к В. И. Засулич выразил сожаление, что нет Маркса, который радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Ленин высоко оценил эту деятельность Плеханова и группы «Освобождение труда». «Русский марксизм, — писал он, — родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)»¹.

«Борясь против народников и разоблачая их, Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», расчистили почву для победы марксизма в России»². В этих работах Плеханов выступил как выдающийся пропагандист научного социализма, стремившийся не только раскрыть реакционное существо так называемых «социалистических» взглядов народников и защитить марксизм от его извратителей, но и дать марксистское освещение экономического развития России, назревших вопросов русского революционного движения и политических задач рабочего класса. Пропаганда Плехановым марксизма имела большое значение для освободительного движения в России.

В книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов хорошо показал всю беспочвенность народничества, его вред для развития русского революционного движения. Он разоблачил реакционность утверждения народолюбцев, будто революционная работа в народе излишня и бесплодна, будто «работать в народе значит биться как рыба об лёд». Он показал, что народники, отрицая неизбежность прохождения Россией капиталистической фазы развития, игнорируя рабочий класс и его политическую борьбу, становились тем самым на путь отказа от революционной борьбы против самодержавия. Носителем социалистического идеала является рабочий класс, заявлял Плеханов. Без завоевания политической свободы и её исполь-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, изд. 4, стр. 363.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 14.

зования для борьбы рабочего класса нельзя притти к социализму.

К числу недостатков этой работы Плеханова необходимо отнести его утверждение, что социализм может осуществиться мирным путём, через всеобщее избирательное право. Здесь видно влияние Лассалья. Своего несогласия с Лассалем Плеханов не оговорил и в последующих работах. Плеханов также ошибочно считал Лаврова и народников-вперёдовцев социал-демократами, якобы «совершенно свободными от народнических традиций».

Появление в печати работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), которую Ленин называл *profession de foi* (исповедание веры) русских марксистов, вызвало злобные нападки на Плеханова со стороны народников. Лев Тихомиров — впоследствии перебежчик в лагерь реакции — выступил против Плеханова со статьёй «Чего нам ждать от революции?», которая ясно показала, что народники всё дальше отходят от революционного движения. Лавров, желая примирить разногласия, не только порицал Плеханова за полемический тон его брошюры, но и обвинял его «в расстраивании организации общественной армии».

Став марксистом, Плеханов, однако, не сразу порвал с народниками. Он надеялся переубедить их и повернуть на путь марксизма. Плеханов допускал серьёзную ошибку, считая, что народовольцы рано или поздно, под влиянием критики, придут к марксизму. О том, что партия «Народной Воли» должна стать марксистской, он писал и в работе «Социализм и политическая борьба», и позже в «Наших разногласиях». Это показывает, что им была не понята принципиальная враждебность марксистской идеологии народнической доктрине.

Защищая марксизм, Плеханов опубликовал в Женеве в ответ народникам свою вторую обстоятельную работу «*Наши разногласия*», предпослав ей открытое письмо Лаврову (1884 г.), в котором подчеркнул, что именно рабочему классу принадлежит будущее России.

Центральным вопросом, который ставили народники, являлся вопрос о судьбах дальнейшего развития России: «должна» или «не должна» Россия пройти через «школу» капитализма? Огромное большинство народников склонно было решать этот вопрос в отрицательном смысле. Народники исходили из антинаучных, утопических представлений об «особом» пути развития России. Рассматривая мысли Герцена и Чернышевского по вопросу о судьбах капитализма в России, Плеханов приходит к выводу, что хотя народники и восприняли у Герцена и Чернышевского критическое отношение к капиталистической эксплуатации, но в отличие от них народники считали, что капитализм для «самобытного» русского экономического строя является упадком, регрессом. Народники стремились «задер-

жать», «остановить» развитие капитализма, «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев русской жизни. Эти стремления народников были реакционны, направлены по существу к сохранению пережитков феодально-крепостнических отношений. Стремление не замечать фактов капиталистического развития России являлось явным отступлением от взглядов Герцена и Чернышевского.

Много страниц своих работ посвятил Плеханов анализу экономических отношений пореформенной России. Исследуя имеющийся фактический материал, собрав статистические данные из различных областей хозяйственной жизни страны, изучая внутренний рынок, рост фабрик и заводов, рабочего класса, развитие кустарных промыслов, разложение сельской общины и многие другие факты экономической жизни, он шаг за шагом разбивал народнический миф об «особом» характере русского экономического развития, наглядно показывая, как капитализм проникает во все уголки народной жизни и разлагает старые «устои крестьянского мира» — общину.

«В своих работах, направленных против народников, Плеханов доказал, что нелепо ставить вопрос так, как ставили его народники: должен или не должен развиваться капитализм в России? Дело в том, говорил Плеханов, доказывая это фактами, что Россия *уже вступила* на путь капиталистического развития и что нет такой силы, которая могла бы ее с этого пути свернуть»¹.

Плеханов разоблачал ошибочность положения народников о переходе России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм. Руководствуясь марксистским диалектико-материалистическим методом в анализе российской действительности, Плеханов помогал передовым русским людям отрешиться от вредных народнических утопий об особом, «самобытном» характере развития России и о сельской общине как основе её «социалистического преобразования». Он доказал, что общине «предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма...»²

Ленин высоко оценил критику Плехановым ошибочных взглядов народников и отметил, что Плеханов применил к анализу весьма сложных общественных отношений России открытый Марксом научный метод материалистического объяснения истории.

Народнической сентиментальной и ложной идеализации «народа», утверждению народников, что главной революционной силой является крестьянство, марксисты противопоставили учение о всемирно-исторической роли рабочего класса в освободительной борьбе.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 14.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, изд. 3, стр. 332.

Плеханов ещё в 70-е годы утверждал в печати, что рабочий вопрос имеет первостепенное значение, и призывал обратить на него внимание. В 1879 г. он писал:

«Социалисты, разумеется, не могут оставаться равнодушными зрителями таких важных событий в жизни рабочих, как стачка»¹.

Революционная работа среди рабочих уже тогда отличала Плеханова от других народнических деятелей. Однако в те годы своей деятельности Плеханов, не освободившийся от народнических предрассудков, ограничительно рассматривал задачи «рабочего дела», революционной борьбы рабочих, считая, что забастовки и стачки должны приучить рабочий класс только к одному: не бояться хозяев и правительства. Он видел в развитии капитализма и в росте пролетариата величайшее зло. Он ещё не пришёл тогда к пониманию исторической миссии пролетариата.

Несколько лет спустя, в 80-е годы, став марксистом, Плеханов не побоялся пойти против консерватизма русских революционеров, которые третировали как «чудаков» тех, кто указывал на рабочий класс как на новую грядущую общественную силу. Вспоминая об этом, Плеханов писал: «Мы предоставили говорить о нас что угодно и... не переставали повторять нашим русским товарищам, что самой главной революционной силой современной России является её пролетариат»².

Народники с целью доказать, что капитализм в России — искусственное явление, что марксисты хотят насадить в России «язву пролетариатства» и отдать народные массы на съедение капиталу, допускали явные передержки. В своей работе «Наши разногласия» Плеханов опровергает заявление народников, что в России промышленность почти не развивается, что на 100 миллионов населения имеется лишь 800 тысяч рабочих, причём это число якобы не растёт, а держится на одной цифре, что в деревне нет «расстройств» крестьянского хозяйства и т. п.

На большом фактическом материале Плеханов научно доказал, что вместе с капитализмом в России растёт и рабочий класс — могильщик старого и творец нового общества. Он выяснил, что в деревне происходит не просто разорение крестьян, а процесс дифференциации, расслоения. Он привёл цифры, говорящие, что из каждых четырёх крестьянских дворов в одном нет лошади. «Но крестьянин, не имеющий лошади, уже не может быть самостоятельным земледельцем-хозяином. Это значит, что четвертую часть сельского населения России надобно исключить из числа земледельцев»³.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. I, изд. 3, стр. 44.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, 1927, стр. 332.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, изд. 3, стр. 241.

Несмотря на количественное преобладание крестьянства в России и сравнительную малочисленность пролетариата, Плеханов утверждал, что именно на растущий пролетариат, а не на крестьянство, которое не только не растёт, а, наоборот, распадается из года в год, должны возложить свои надежды революционеры.

Товарищ Сталин в 1906 г. в работе «Анархизм или социализм?», разъясняя сущность спора в среде русской революционной интеллигенции в конце 80-х годов XIX столетия, ярко показал значение возглавленной Плехановым борьбы русских марксистов против народников и полную несостоятельность народнических теорий о движущих силах русской революции.

Плеханов первый из русских марксистов доказал, что главную роль в предстоящей революции в России будет играть рабочий класс. «Пролетариат, — говорил Плеханов, — это тот динамит, с помощью которого история взорвёт русское самодержавие»¹.

В 1885 г. в книге «Наши разногласия» Плеханов писал: «Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, — класс, освобождение которого может быть достигнуто только путём его собственных сознательных усилий»².

Через несколько лет собравшийся в Париже учредительный конгресс II Интернационала (1889) слушал яркую речь Плеханова о русском революционном движении, которую он закончил известной фразой: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!»³

Многие участники конгресса были удивлены и к этим словам отнеслись недоверчиво: какое там рабочее движение в полукрепостнической России? Но Плеханов оказался прав. В России росло и ширилось массовое революционное рабочее движение. Рабочий класс всё больше давал знать о себе забастовками. В 80-е годы наиболее знаменательной стачкой явилась морозовская стачка в Орехово-Зуеве. Плеханов усмотрел в ней «исходный пункт нового фазиса рабочего движения... в России»⁴. С 1895 по 1899 г. бастовало уже не менее 221 тыс. рабочих. Особенно грандиозной была 30-тысячная стачка петербургских ткачей, проведённая под руководством созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; происходили волнения рабочих и в других городах. Разрасталась политическая борьба рабочего класса против царизма.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, изд. 3, стр. 207.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, стр. 332.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. IV, изд. 2, стр. 54.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, изд. 3, стр. 391.

Плеханов подчёркивал, что политическая борьба рабочего класса против царизма — единственный путь к освобождению трудящихся масс России и единственно правильная программа действия, которая обеспечит революционерам сочувствие и поддержку со стороны народа.

«Мы, социал-демократы, — говорил Плеханов в речи на русском собрании в Женеве, — убеждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы *трудящейся массы* и прежде всего её наиболее передовой части: *пролетариата*, — мы стараемся развить её политическое самосознание и популяризировать в ней идею *борьбы за политическую свободу*. В этом заключается наша мсть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами. Когда разовьётся политическое самосознание русской трудящейся массы, тогда — и только тогда — взойдёт та «звезда пленительного счастья», о которой говорит Пушкин в послании к Чаадаеву; тогда — и только тогда, —

Россия вспрянет ото сна
и свергнет иго самовластья!¹

Плеханов указывал, что именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту народную поддержку, которой у них не было раньше, что в лице пролетариата трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и призовет к ответу своих палачей, что «к этой-то новой рабочей России, составляющей нашу радость, нашу гордость и нашу надежду»², и должны обратиться революционные социал-демократы.

Критикуя народников-субъективистов, воображавших, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести «толпу» куда им угодно, Плеханов горячо говорил: «Не следует оставлять светильника» разума «в тесном кабинете «интеллигенции»!.. Развивайте человеческое сознание, — сказали мы. Развивайте самосознание производителей, — прибавляем мы теперь»³.

Плеханов призвал тогда все передовые элементы русского общества развернуть среди поднимающегося на борьбу русского рабочего класса активную политическую работу. Воодушевлённый социалистической пропагандой, пролетариат выступит как самая живая, самая мыслящая и активная часть современного общества и добьётся победы над царизмом.

Краеугольным камнем социалистической деятельности в среде рабочих, указывал Плеханов, должна быть пропаганда научного социализма, революционной теории Маркса и Энгельса. Он писал: «Мы и указываем нашей социалистической

молодёжи на марксизм, эту алгебру революции... эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодёжь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу»¹.

Сам Плеханов отдавал в те годы свои знания и силы распространению марксизма в России. Он охранял марксизм от лжетолкований и выступал против попыток связать рабочее движение с враждебными марксизму теориями. В 80-х годах он был одним из тех, кто стремился отстоять цельность взглядов русских социал-демократов. Он говорил, что социально-политическое миросозерцание русских марксистов, которое они несут в рабочую массу, не сшито из разных миросозерцаний, существовавших в предшествующие периоды: «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта*, освещённого ярким светом учения Маркса»².

Но чтобы осуществить победоносное выступление пролетариата, необходимо было сплотить и организовать его в политическую партию. Именно Плеханов в 1883 и 1884 гг. «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии»³.

«Плеханов, — писал Ленин в работе «Что делать?», — был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую и великую политическую задачу»⁴.

Однако, считая партии Второго Интернационала образцом организации рабочей партии, Плеханов мыслил создать в России партию по их типу. Такое преклонение перед западно-европейским образцом организации пролетариата характерно для всех периодов общественно-политической деятельности Плеханова. Он никогда не понимал ленинской идеи партии нового типа, осуществлением которой явилась партия большевиков.

В 90-е годы Плехановым были написаны его лучшие марксистские работы: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.).

О книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Ленин писал, что на ней «воспиталось целое поколение русских марксистов»⁵.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, изд. 3, стр. 104.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, 1927, стр. 113.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, изд. 4, стр. 242.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, изд. 4, стр. 416—417.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, изд. 4, стр. 243.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, изд. 2, стр. 372.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. IX, изд. 2, стр. 291.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, изд. 2, стр. 246.

Книга явилась блестящим опытом популяризации идей марксизма. Она давала систематическое изложение основных положений диалектического и исторического материализма и раскрывала историческую и теоретическую преемственность и связь марксизма со всем предыдущим развитием философии и науки. В этой книге, как и в произведении «К вопросу о роли личности в истории» — одном из лучших творений Плеханова, пропагандирующем материалистическое понимание истории, он дал живое, увлекательное изложение марксистского учения о законах развития общества, о роли личности в истории. В этой книге Плеханов нанёс сокрушительный удар русской субъективной «социологической школе» Лаврова, Михайловского, Кареева. Он доказал, что правда не на стороне идеализма, а на стороне материализма Маркса — Энгельса. Михайловский потом в течение нескольких лет плакался на «безобразия» Бельтова (Плеханова). Последний говорил об этой своей книге: «... я не жалею о том, что детище моё уродилось таким задорным».

Борясь против народничества, Плеханов нанёс удар по идеалистической народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы».

Лавров, Ткачёв, Михайловский и другие народники, игнорируя роль народных масс, классов, рассматривали интеллигенцию как самостоятельную общественную силу, играющую якобы первостепенную роль в общественном развитии. Народники утверждали, что историю делают «герои», деятели, «критически-мыслящие личности», что народная масса — «толпа» — инертна, пассивна и не способна к сознательным и организованным действиям: она может лишь подчиняться и слепо идти за «героями». «Интеллигенция играла в наших революционных расчётах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону»¹, — писал Плеханов о народническом истолковании роли интеллигенции. Такая точка зрения привела народников к вреднейшей тактике индивидуального террора, совершенно исключавшей организацию массовой партии, массового революционного движения, политической борьбы масс.

Разбить такого рода идеалистические теории, противопоставлявшие личность обществу, являлось насущной задачей русских марксистов. Вслед за Лениным Плеханов разоблачал теоретическую и политическую несостоятельность народников и в этом вопросе. Он показал, что не только народники, но и многие другие буржуазные социологи склонны видеть в политической деятельности великих людей главную и чуть ли не единственную пружину исторического развития. Французский

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, стр. 132.

критик Сент-Бёв считал, что «человек может внезапным решением своей воли ввести в ход событий новую, неожиданную и изменчивую силу, которая способна придать ему иное направление, но которая, однако, сама не поддаётся измерению вследствие своей изменчивости».

Было время, говорит Плеханов, когда на историю «смотрели с точки зрения подвигов отдельных лиц, Ромулов, Августов или Брутов. Народная масса, все те, которых угнетали или освобождали Августы и Бруты, ускользала из поля зрения историков»¹, а между тем, подчёркивает Плеханов, история совершается не по произволу отдельных людей, а закономерно.

Развитие общества определяется не пожеланиями и идеями выдающихся личностей. Оно определяется в конечном счёте развитием материальных условий существования общества, изменениями способов производства материальных благ. Изменение способов производства ведёт к изменениям во взаимоотношениях классов в области производства материальных благ, к борьбе классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ. История делается массами, классами. Не отдельные выдающиеся личности, а массы, классы, сыграют решающую роль в осуществлении общественного переустройства России.

Неумение подняться от действий отдельных личностей к действию масс, к действию целых общественных классов — вот что, по Плеханову, характерно для субъективистов и волюнтаристов.

Историческая наука XVIII века, говорит Плеханов, всё сводила «к сознательной деятельности личностей». Но события конца XVIII века заставили решительно пересмотреть этот взгляд. Горячо сочувствовавшие буржуазии историки времён реставрации увидели в классовой борьбе буржуазии против феодализма важнейший прогрессивный фактор общественного развития. Историк О. Тьерри рассматривал историю как движение народов, а борьбу больших масс людей современного ему общества — как борьбу классов. Плеханов замечает в связи с этим:

«Революция была делом *народных масс*, и эта революция, память о которой была столь свежа в эпоху реставрации, уже не позволяла рассматривать исторический процесс как дело более или менее мудрых и более или менее добродетельных личностей. Вместо того, чтобы заниматься настроениями и деяниями *великих людей*, историки хотели отныне *истории народов*»².

Примерами из истории западноевропейских стран Плеханов подтверждает марксистское положение о великой роли

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, 1927, стр. 263.

² Там же, стр. 360.

народных масс в жизни общества, о народе-творце, демиурге истории.

«Кто разрушил Бастилию? Кто сражался на баррикадах в июле 1830 и в феврале 1848 г.? Чьё оружие поразило абсолютизм в Берлине? Кто сверг Меттерниха в Вене? Народ, народ, народ, т.-е. бедный трудящийся класс, т.-е. преимущественно рабочие»¹.

Плеханов разъяснял, что историческая необходимость отнюдь не означает, что история — это какой-то автоматически совершающийся процесс развития общественной жизни, без активного участия людей. В эту крайность впадали, говорит он, позднейшие буржуазные историки Лампрехт и Моно, которые, подчёркивая законосообразность общественного развития, «смотрели на историю, как на цепь таких явлений, которые ни в коем случае не могли бы быть иными», утверждая, что «личный элемент не имеет в истории ровно никакого значения». Человек, по их мнению, только слепая игрушка в руках неумолимых законов истории; он не способен проявить самостоятельность, не может вмешиваться в развитие общества, в исторические события.

Отвергая этот фаталистический взгляд на историю, утверждая закономерность хода исторических событий, Плеханов не отрицает и роли случайного элемента в развитии общества. Например, говорит он, во время Семилетней войны прусский король Фридрих II не раз находился в безвыходном положении, но его спасала недостаточная оперативность союзников — русских и австрийцев, которые хотя и окружили Фридриха II, но проявили медлительность в проведении военных операций. «Спрашивается, что было бы, если бы Бутурлин имел больше решительности или если бы его место занимал человек, подобный Суворову?»

В работе «К вопросу о роли личности в истории» Плеханов развивал марксистский взгляд на роль личности в истории. Он доказывал, что марксизм признаёт историческую необходимость, но это не означает фатализма, признания пассивности, бездеятельности людей. Марксизм ничуть не отрицает роли личности в истории, не отрицает творческого почину выдающихся личностей и их влияния на ход событий. Марксизм учит, что история складывается из действий личностей, масс, поэтому деятельность выдающихся личностей не может не иметь значения. Марксизм решительно враждебен антинаучному взгляду, сводящему к нулю роль и значение выдающейся личности. Напротив, марксизм признаёт значительной роль выдающихся личностей в истории. Личности благодаря особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества, могут изменять индивидуальную физиономию событий, могут ускорять

или замедлять события, но не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами. Великими деятелями и называются те, которые больше других способствуют решению великих общественных задач.

Плеханов писал: «Великий человек является... начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берёт на себя почин удовлетворения этих нужд»¹.

Важнейший вопрос, который ставят здесь в противоположность народникам марксисты, заключается в оценке общественной деятельности выдающейся личности, в выяснении того, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех. Этот успех зависит от степени отчётливого представления у данной личности об общественных отношениях, складывающихся в существующей обстановке, от выяснения связи деятельности личности с борьбой классов и партий.

«Личная сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на её счёт всю ту общественную силу, которая выдвинула и поддерживала её»², — писал Плеханов.

Значение общественной деятельности выдающейся личности в особенности зависит от того, насколько выдающаяся личность правильно поняла условия развития общества. Великая личность, неразрывно связанная с массой, при определённых исторических условиях может стать огромной общественной силой, ускоряющей своей деятельностью движение общества.

«Мы скажем, — заявляет Плеханов, — что в области общественных идей гений опережает своих современников в том смысле, что *он ранее их схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений*»³. Об этом же говорит Плеханов и в работе «Литературные взгляды В. Г. Белинского». «Новые общественные отношения не сразу и не сами собой возникают на основе новых производительных сил. Это приспособление должно явиться *делом людей*, результатом борьбы между охранителями и новаторами. Тут-то и открывается широкое поле для личной инициативы. Гениальный общественный деятель раньше и лучше других предвидит те перемены, которые должны совершиться в общественных отношениях. Такая выдающаяся дальновидность ставит его в противоречие со взглядами его сограждан, он может оставаться *в меньшинстве*

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, 1923, стр. 402.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, 1923, стр. 305.

² Там же, стр. 298.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, изд. 2, стр. 219.

до самой смерти; но это не помешает ему быть выразителем *общего*, представителем и указателем предстоящих перемен в общественном устройстве»¹.

В таких замечательных выражениях развивает Плеханов марксистский взгляд на роль выдающейся личности, наиболее полно и правильно выражающей объективные задачи своего времени. Плеханов подчёркивал, что передовые личности, вожди, если они умеют правильно понять условия развития общества и умеют найти силы, стремящиеся к новому, к уничтожению отжившего строя, играют большую роль в истории.

Плеханов предостерегал против таких «выдающихся» личностей, как, например, народники, чьи отсталые идеи и теории шли вразрез с экономическим развитием общества, искажали реальные экономические отношения. В полном согласии с учением Маркса Плеханов доказывал, что «никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию этих (производительных. — *Авт.*) сил или *ещё* не соответствуют ему»².

Плеханов написал много ценного по вопросу о роли личности и масс в истории. Но ему не удалось раскрыть до конца великую роль масс, классов в историческом процессе. После 1903 г., когда он перешёл на позиции меньшевизма и стал вождем русских оппортунистов, он в «Истории русской общественной мысли» писал, что русский народ — инертная, пассивная, от природы отсталая масса, слепо преданная царю. Массовые народные антикрепостнические движения, движения крестьян, он называл реакционными. Во время революций 1905 и 1917 гг. Плеханов обнаружил неверие в революционные способности русского рабочего класса, предал забвению марксистское учение о величайшей роли масс, классов в общественном прогрессе. Плеханов не поставил конкретно-исторически и вопроса о выдающейся роли вождей, руководителей массового революционного движения.

Гениальная разработка вопроса о взаимоотношении вождей и масс, партий и классов, о роли личности в истории дана Лениным и Сталиным. В работах Ленина и Сталина народ предстал как подлинный творец и созидатель человеческой истории. На первостепенное значение и роль простых людей — трудящихся масс в жизни общества неоднократно указывал товарищ Сталин.

Ленин и Сталин в отличие от Плеханова показали, какое значение имеют вожди, возглавляющие движение широких масс народа. Вожди ускоряют движение, они ведут к победе.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, изд. 2, стр. 299.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 305.

Без вождей опытных, мудрых, закалённых в борьбе, нельзя победить, движение неизбежно потерпит поражение.

Плеханов дал блестящую критику теоретических и социологических основ народничества. Однако его работы против народников не носили того боевого политического характера, которым были пронизаны ленинские работы, в частности «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Для Плеханова характерно понимание марксизма как книжного учения. Он расценивал высказывания Маркса и Энгельса как своего рода схему для решения задач русской общественной жизни. Кроме того, влияние лассальянства и западноевропейского реформизма, а также позитивизма — всё это определяло непоследовательность Плеханова как марксиста. Так, разоблачая антинаучность народнических «теорий» и их огромный вред для развития революционного движения в России, Плеханов вместе с тем допускал ряд ошибок, содержащих как пережитки народничества, так и зачатки будущего меньшевизма. Он не рассматривал крестьянство как революционную силу, способную пойти за пролетариатом, и высказывал мысль о неизбежности враждебного столкновения пролетариата с крестьянством; он думал, что либеральная буржуазия окажется главным союзником пролетариата в борьбе с царизмом, и склонялся к союзу рабочего класса с буржуазией.

Плеханов, указывая на реакционность народнических идей, убедительно доказывал правоту марксизма. Но он дал лишь общетеоретический анализ народнических взглядов и не сумел вскрыть социальной сущности народничества, не сумел показать связь народничества с определённым социальным слоем России — крестьянством. Поэтому Плеханов проглядел в старом народничестве демократическую сторону, он видел в народниках лишь утопистов, реакционеров, но не представителей мелких производителей. Он недооценивал силу и значение демократического движения крестьянства в борьбе за низвержение царского самодержавия и крепостничества. Несмотря на указанные ошибки и недостатки, заслуги Плеханова в борьбе с народниками весьма значительны.

Начатую Плехановым борьбу с народничеством поднял на высшую ступень Ленин, выступив как последовательный преемник и продолжатель дела Маркса и Энгельса. Ленин осуществил окончательный идейный разгром народничества.

Ленин подчеркнул, что народничество отказалось от «наследства» просветителей 60-х годов «с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это

«наследство» не только непричем в. . . : воззрениях народничества, но прямо противоречит им»¹.

Ленин не ограничился, как Плеханов, теоретической полемикой с народниками.

«Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях»².

Он указал на источник народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России. Показав реакционный, утопический характер идеологии народничества всех оттенков, Ленин вскрыл различие, существующее между революционным народничеством и реформистским мещанским оппортунизмом народников 80—90-х годов. Отмечая боевой демократизм народников 70-х годов, Ленин беспощадно разоблачал либерализм и реформизм народников типа Михайловского, срывая с них псевдосоциалистическое покрывало. «Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»³.

Ленин разоблачил истинное лицо народников как фальшивых «друзей народа», идущих на деле против народа.

Борьба Ленина против народников имела исключительное значение. Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» явилась подлинно программным боевым документом большевизма, в котором Ленин в беспощадной борьбе с народниками отстаивал чистоту марксистской теории и творчески применил её к анализу исторического развития России. В этой книге Ленин наметил основные задачи русских марксистов: распространить идеи научного коммунизма среди рабочих, перейти от пропаганды к массовой агитации; дал правильное, марксистское разрешение вопроса о роли пролетариата и крестьянства, о союзе пролетариата и крестьянства как главном средстве свержения царизма, помещиков и буржуазии. Ленин поднял на недостижимую высоту значение и роль революционной теории, выполнив историческую задачу соединения марксизма с русским рабочим движением. Тем самым была закреплена идейная гегемония марксизма в русской революции, был указан рабочему классу верный путь его освобождения. Ленин впервые в России раз-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, изд. 4, стр. 485.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, изд. 4, стр. 216.

³ Там же, стр. 246.

вил учение о гегемонии пролетариата в революции, поставил практически задачу организации из разрозненных марксистских кружков революционной марксистской социалистической рабочей партии. Ленин стал во главе рабочего движения, идейно и организационно руководя классовую борьбой пролетариата.

Ленин указывал, «что именно рабочий класс России в союзе с крестьянством свалит царское самодержавие, после чего русский пролетариат в союзе с трудящимися и эксплуатируемыми массами, рядом с пролетариатом других стран, прямой дорогой открытой политической борьбы пойдет к победоносной коммунистической революции»¹.

Беспощадная борьба Ленина и его сторонников против субъективной социологии народничества уже в 90-е годы привела к идейному разгрому народничества. Народничество как антипролетарское, антисоциалистическое течение было разбито марксистами и отброшено рабочим классом со своего пути.

«Мы освободились, — писал Ленин, — от. . . народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции»².

* * *

Не менее важны заслуги Плеханова в области философии. Выяснение Бельтовым-Плехановым основ философского материализма способствовало формированию марксизма в России.

В 1921 г. Ленин говорил: «В скобках уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма. . . Нельзя не пожелать. . . чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы. . .» Ленин подчеркивал, что философские работы Плеханова должны «войти в серию обязательных учебников коммунизма»³.

Отмечая заслуги Плеханова в области философии, Ленин не раз указывал и на его ошибки. Изучение марксистских философских работ Плеханова невозможно без изучения той критики ошибок Плеханова, которую дали Ленин и Сталин, поднявшие на новую, высшую ступень философию марксизма.

В работах революционного периода своей деятельности Плеханов хорошо и ярко раскрывал величайшее значение

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 21.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, изд. 4, стр. 65.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3, стр. 135.

материалистической философии для рабочего класса и указывал, что нельзя быть беззаботным или равнодушным к материалистической философии, уже не раз игравшей в истории освободительную роль.

Талантливо, в живой и доступной форме излагал Плеханов новое миросозерцание — систему взглядов Карла Маркса. Он дал действительно ценные для своего времени образцы популяризации, пропаганды и обоснования марксизма. Плеханов метко отражал наскоки на марксизм со стороны его идейных противников.

«Научный социализм, — писал Плеханов, — есть не только величайшая — а лучше сказать единственная, заслуживающая этого имени — философская система *нашего* времени. Его появление знаменует собою в высшей степени важный поворот в истории человеческой мысли вообще»¹.

«Благодаря Марксу, — пишет он в другом месте, — материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного миросозерцания»².

Наряду с книгой Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» выдающейся работой о философском материализме являются «Очерки по истории материализма» (1896 г.), о которых Ленин писал как о ценном изложении диалектического материализма.

Круг философских проблем, рассматриваемых Плехановым, чрезвычайно широк. Он исследует основы диалектического и исторического материализма, всесторонне изучает процесс исторического приготовления марксизма и прослеживает его связь со всем предшествующим философским и идейным развитием.

Плеханов не сумел отчётливо провести принципиальное различие, существующее между диалектическим материализмом и старым, домарксовским материализмом. Он сближал старый материализм и материализм Маркса. Он, например, называл марксизм родом спинозизма, переоценивал значение философии Фейербаха, нередко причислял Фейербаха под диалектического материалиста, отождествлял марксистскую теорию познания с созерцательно-материалистической теорией познания Фейербаха.

Вместе с тем Плеханов делал попытку найти корни ограниченности западноевропейского домарксовского материализма.

«*Метафизический материализм*, — писал он, — *был революционен только наполовину*. Революция была для него только средством (*и притом лишь ввиду отсутствия мирных средств*) раз навсегда достигнуть *надёжной и спокойной гавани*. . . Две души — увы! — жили в его груди, как и у Фауста и у буржуа-

зии, самыми передовыми представителями которой были материалисты XVIII столетия»¹.

Большое место отвёл Плеханов освещению основного вопроса философии, особенно в связи с рассмотрением философских учений мыслителей прошлого.

«. . . Когда человек принимается философствовать, то-есть когда у него родится стремление составить себе стройное миросозерцание, — писал Плеханов, — то он непременно наталкивается на вопрос о том, как относится *я* к *не-я*, «познание» — к «бытию», «дух» — к «природе». . . Различные философские системы различно отвечают на него. Но если мы вдумаемся в ответы, даваемые различными философскими системами, то увидим, что они. . . могут быть распределены по двум отделам.

К одному надо отнести все те, которые получают в том случае, когда мыслители берут за точку отправления *объект* или, иначе, *бытие*, или, ещё иначе, — *природу*. . .

К другому отделу принадлежат все те философские построения, в которых точкой исхода является *субъект, сознание, дух*. . .

Кто отправляется от объекта, у того создаётся, если только он имеет способность и отвагу мыслить последовательно, — одна из разновидностей *материалистического миросозерцания*.

Кому точкой отправления служит *субъект*, тот оказывается опять-таки, если он не боится идти до конца, — *идеалистом* того или другого оттенка.

А люди, не способные к последовательному мышлению, останавливаются на полдороге и довольствуются помесью идеализма с материализмом. Таких непоследовательных мыслителей называют *эклехтиками*².

Опровергая идеализм, доказывая истинность важнейшего положения материализма — о вечности материи, Плеханов писал:

«Научная теория эволюции учит нас, что материя существовала тогда, когда ещё не было не только людей с их понятиями и не только живых существ вообще, но и самой земли, самой солнечной системы»³.

Плеханов вёл борьбу против всех форм идеализма. Его философские статьи «Трусливый идеализм», «Бернштейн и материализм», «К. Шмидт против К. Маркса и Ф. Энгельса», «Сант против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна» являются обоснованным опровержением идеализма, агностицизма и метафизики. Критиковал Плеханов и русских идеологов, в частности народников Лаврова, Михайловского, Кареева, неокантианцев Струве, Булгакова, Бердяева и других.

Особенно важна борьба Плеханова за марксизм против по-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. IV, изд. 2, стр. 93.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, изд. 2, стр. 49.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 123—124.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, изд. 2, стр. 296—297.

³ Там же, стр. 318.

литического и философского ревизионизма. После смерти Энгельса родоначальник международного ревизионизма Бернштейн и другие оппортунисты стали открыто требовать «ревизии» марксизма, пересматривать учение Маркса. Они объявили устаревшими основные положения марксизма, требовали отказа от революции, от социализма, от диктатуры пролетариата, стремясь теоретически разоружить рабочий класс и отравить его сознание разного рода «теориями» примирения с существующим порядком. Плеханов указывал, что ревизия марксизма представляет собой не что иное, как попытку «сзузить теорию марксизма... превратить революционную рабочую партию в реформаторскую»¹. Под флагом пересмотра и «исправления» марксизма ревизионизм выступил не только против политических и экономических взглядов Маркса и Энгельса, но и против философской основы марксизма — диалектического материализма. Ревизионисты упорно стремились превратить философию марксизма в разновидность кантианства или махизма, привить реакционную идеалистическую идеологию рабочему классу.

«Историческая миссия наших «критиков», — писал Плеханов, — заключается в «пересмотре» Маркса для устранения из его теории всего её социально-революционного содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь пролетариями всех цивилизованных стран; Маркс, который призывал рабочий класс к *насильственному* низвержению нынешнего общественного порядка, Маркс, который, по прекрасному выражению Либкнехта, был революционером *и по чувству и по логике*, этот Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой являются гг. «критики». Её отталкивают его крайние выводы; её пугает его революционная страсть. Но «по нынешним временам» трудно обойтись и совсем без Маркса: его критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса от её плевел; надо противопоставить Марксу-революционеру Маркса-реформатора, Маркса-«реалиста». «Маркс против Маркса!» И вот закипает работа «критики». Из теории Маркса выбрасываются одно за другим все те положения, которые могут служить пролетариату духовным оружием в его революционной борьбе с буржуазией. Диалектика, материализм, учение об общественных противоречиях, как о стимуле общественного прогресса; теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости — в частности, социальная революция, диктатура пролетариата, — все эти необходимые составные части марксова научного социализма, без которых он утрачивает всё своё существенное содержание, объявляются

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XII, стр. 481.

второстепенными частностями, не соответствующими нынешнему состоянию науки, тенденциозными, утопичными и потому подлежащими ампутации в интересах беспрепятственного развития основных положений того же мыслителя»¹.

Ревизией марксизма, выхолащиванием его живой революционной души — материалистической диалектики, заменой её вульгарной теорией эволюции особенно рьяно занимались столпы международного оппортунизма Бернштейн и Каутский.

Генеральная чистка авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма. Ещё с 1894 г. Ленин развернул непримиримую борьбу с ревизионистами, Струве и др. С 1898 г. в Закавказье начал непримиримую борьбу против «легального марксизма» верный ученик и соратник Ленина товарищ Сталин. Ленин и Сталин разоблачали политическую сущность и философские основы реформизма II Интернационала.

В борьбе против западноевропейских ревизионистов в конце 90-х годов выступил и Плеханов. К тому времени он был уже одним из виднейших авторитетов и лучших теоретиков международной социал-демократии, стоявшим на голову выше многих социалистов Европы и Америки. Ленин высоко ценил критику ревизионизма Плехановым².

Плеханов наносил ощутительные удары ревизионизму, критикуя политический оппортунизм, идеализм и метафизику бернштейншанцев, отстаивая марксизм как цельное, стройное мировоззрение. Но когда он обратился к вождям II Интернационала с предложением выступить против ревизионистов, он поддержки не нашёл. Правые и центристы пренебрежительно относились к диалектическому материализму, явно прикрывали бернштейншанство. Вожди западной социал-демократии замазывали разногласия между марксизмом и оппортунизмом. Даже Ф. Меринг и А. Бебель не оценили всей опасности оппортунизма Бернштейна. Русские марксисты, в частности Плеханов, а не вожди немецкой социал-демократии, защищали революционный марксизм на международной арене.

Наряду с критикой общетеоретических взглядов Бернштейна Плеханов указывал на неправильное поведение вождей западной социал-демократии, в частности К. Каутского, который печатал статьи Бернштейна без всяких оговорок и делал всё, чтобы помешать публикации статей Плеханова против буржуазной ревизии марксизма (см. в пятом томе «Литературного наследия» Г. В. Плеханова его письма к Каутскому).

Вопреки примиренческим «традициям» II Интернационала и немецкой социал-демократии, не сделавшей никаких организационных выводов из идейной борьбы с ревизионизмом, Плеханов настойчиво требовал исключения Бернштейна из партии.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 274.

² См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, изд. 4, стр. 19 или т. XII, изд. 3, стр. 185.

«Если бы социал-демократия с презрением выбросила из своих рядов г. Бернштейна... — говорил Плеханов, — то... последствия... наверное, были бы для неё очень полезны»¹.

Ленин приветствовал это требование Плеханова. И спустя много лет Ленин писал: «...еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключения Бернштейна из партии...»²

Плеханов в те годы выступал против европейского оппортунизма, наглядно показывая его вред и подчёркивая, что примиренчество к нему мешает борьбе за самые насущные интересы рабочего класса.

Первой статьёй в международной социалистической прессе против ревизиониста Бернштейна была статья Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», опубликованная в 1898 г. Вскоре последовал ещё целый ряд статей Плеханова против Бернштейна, а также три известные статьи против К. Шмидта.

Не все свои статьи против ревизионистов Запада Плеханову удалось опубликовать в западноевропейской печати. Впоследствии Ленин поместил эти статьи в «Заре».

Критикуя философские взгляды Бернштейна, Плеханов показывал, что, ревизуя философию марксизма, Бернштейн призвал вернуться к Канту. Ревизионистское требование о возврате к Канту было направлено к тому, чтобы смазать принципиальное отличие материализма от идеализма. Бернштейн считал, что «чистый или абсолютный материализм» и «чистый или абсолютный идеализм» в конце концов отличаются лишь способом выражения, что «мышление и бытие идентичны». Утверждение об идентичности бытия и мышления, показывал Плеханов, есть идеализм. Утверждать, что материализм в конце концов сводится к идеализму, может только тот, кто не понимает ни материализма, ни идеализма. Материализм, разъяснял Плеханов, есть учение, которое объясняет природу её собственными силами и которое смотрит на природу как на нечто первоначальное сравнительно с духом.

Показывая непримиримость двух основных направлений философии, Плеханов с позиций диалектического материализма отражал наскоки ревизионистов, стремившихся отбросить материалистическую основу миросозерцания Маркса и Энгельса.

Отречение Бернштейна от материализма, писал Плеханов, является «естественным неизбежным и ярким выражением его нынешних социально-политических тенденций. Тенденции эти могут быть выражены в словах: *сближение с передовыми слоями буржуазии*»³.

Однако Плеханов оказался непоследовательным в критике бернштейнианства и кантианства, сближал марксизм и кантианство. В первоначальном варианте статьи «Об экономиче-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XII, изд. 2, стр. 454.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, изд. 3, стр. 181.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 54.

ском факторе» он писал о возможности «соединения» марксизма с неокантианством: «Что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точке зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса. Почему? Да, потому, что их разногласие с ним ограничивается вопросом об отношении бытия к мышлению... Это разногласие... не может помешать им согласиться между собою во взглядах на мир явлений, к которому относятся, конечно, также явления экономические и исторические»¹.

Критика Плехановым бернштейнианства имеет и другие серьёзные недостатки. Она главным образом сводится к разоблачению невежества Бернштейна в области философии и не является достаточно политически заострённой, партийной. Не случайно поэтому целый ряд важнейших вопросов ревизионистской критики марксизма Бернштейном не был затронут Плехановым.

Плеханов не разоблачил извращений Бернштейном учения Маркса о государстве. Ленин писал в связи с этим: «Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об этом извращении Маркса Бернштейном не говорили»².

Плеханов в своей критике Бернштейна не дал должного анализа социально-политических условий возникновения ревизионизма, его классовых корней, тем самым смазал международный характер оппортунизма, господствовавшего во II Интернационале.

Плеханов даже в пору расцвета его марксистской деятельности не понимал партийности философии и науки. Он писал: ««Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование *учёных*, *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*»³. Это отнюдь не случайная уступка Плеханова ревизионистам.

Ленин и Сталин последовательно и страстно защищали учение Маркса от опошления и фальсификации. Они развернули борьбу с оппортунистическим течением в России — «экономизмом» и показали родство «экономизма» с бернштейнианством. Теория «экономистов», писал Ленин, просто сколок с «модной» книги Бернштейна. Русские «экономисты» вели такую же линию отказа от революционной борьбы, от социализма, от диктатуры пролетариата, как и ревизионисты Запада.

Ленин и Сталин показали, что «экономизм» характеризуется в теоретическом отношении опошлением марксизма и беспомощностью перед ревизионизмом, в политическом отношении — стремлением сузить общеполитическую борьбу пролетариата с

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 147.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, изд. 4, стр. 400.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 2, стр. 60.

царизмом, ограничиться задачами экономической борьбы, в тактическом отношении — полной неустойчивостью, в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер рабочего движения требует создания централизованной партии, партии социальной революции, а не партии «социальных реформ».

Товарищ Сталин разъяснял, что в то время, когда революционные социал-демократы считали своим долгом нести в рабочее движение социалистические идеи, другая часть социал-демократии, «увлечённая экономической борьбой, борьбой за частичное улучшение положения рабочих (как, например, сокращение рабочего времени и повышение заработной платы), — готова была совершенно забыть свой великий долг, свои великие идеалы»¹.

Выступил против «экономистов» (Прокоповича, Кричевского, Мартынова и др.) и Плеханов. Он также прослеживал связь русского экономизма с бернштейнианством, говоря, что представители узкого и грубого «экономизма» в российском рабочем движении ищут себе теоретической поддержки на Западе, в воззрениях тех «критиков» марксизма, знаменосцем и глашатаям которых выступил Бернштейн.

Борясь с «экономистами», Плеханов выпустил сборник под названием «Vademecum» для редакции «Рабочего дела» (путеводитель-справочник), в котором были собраны документы, разоблачающие подлинное лицо «экономистов», а также статьи: «Ещё раз социализм и политическая борьба», «О тактике» и др. Плеханов называл «экономистов» «чистокровными оппортунистами и верными последователями Бернштейнов, Жоресов»², критиковал «экономистов» за то, что «они видят только «заднюю» нашего пролетариата»³, и требовал безусловного разрыва с ними.

Ленин указывал на плодотворную деятельность Плеханова против «экономизма». По поводу сборника «Vademecum» Ленин в письме к Крупской писал: «Vademecum — это — вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма, против «стыда и позора» социал-демократии»⁴. Однако положительное значение борьбы Плеханова с «экономизмом» снижалось тем, что он в своих статьях не показал связи теории и практики, не раскрыл политических задач русского рабочего движения. «Экономизм», который был проявлением оппортунизма на русской почве и перерос впоследствии в меньшевизм, Плеханов характеризовал лишь как эпизод, «представляющий собой, в теоретическом отношении, одно недоразумение»⁵. В 1903 г. он

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 17.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIX, 1927, стр. 158.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XII, изд. 2, стр. 17.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVIII, изд. 3, стр. 107.

⁵ См. Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIII, стр. 277.

призывает к сближению с бывшими «экономистами». «Они — наши товарищи, хотя бы они и отличались от нас некоторыми оттенками мысли»¹.

В борьбе против «легального марксизма» Плеханов первоначально проявил нерешительность и колебания. С критикой «легальных марксистов», идеологов либеральной буржуазии — Струве, Туган-Барановского и др., — Плеханов выступил значительно позднее Ленина, лишь спустя 7 лет.

Запоздание Плеханова с выступлением против «легальных марксистов» связано с тем, что Плеханов не разглядел либерально-буржуазного нутра этих буржуазных интеллигентов, вырядившихся в марксистские одежды, он не считал их врагами марксизма. В отличие от Ленина, который допускал лишь временное соглашение с «легальными марксистами», чтобы использовать их в борьбе против народников, Плеханов ошибочно считал «легальных марксистов» союзниками революционных марксистов в борьбе с царизмом. Он считал «не очень существенными» вылазки Струве против марксизма, неправильно расценил призыв Струве пойти «на выучку к капитализму», называя это «благородным увлечением западника».

Вот почему Плеханов не замедлил выступить против статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», в которой Ленин прозорливо вскрыл стремление либеральной буржуазии к сделке с царизмом против революции.

Ленин показывал, что Струве защищает «легальный», мирный, постепенный темп развития капитализма, что он восхваляет буржуазию. У Плеханова к Струве был другой подход. «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом», — говорил он Ленину при встрече в Швейцарии в 1895 г. Плеханов писал Мартову: «Есть два подхода к либералам — «тулинский» и «бельтовский». (Ленин тогда выступал под псевдонимом Тулин, Плеханов — под псевдонимом Бельтов. — Авт.). Бельтовский подход сводился к тому, что «боже упаси запугивать буржуазию».

Известно, например, что по поводу «Критических заметок» П. Струве Плеханов в 1901 г. говорил, что в этой книге выступают, «обнявшись, будто две сестры», две теории: Маркса и Брентано. Плеханов полагал, что буржуазная теория Струве «будет мало-помалу побеждена в его взглядах присутствовавшим в них элементом марксизма», он всегда надеялся на то, что брентанизм Струве будет побеждён его марксизмом.

Значительную роль в изменении отношения Плеханова к «легальным марксистам» сыграла та решительная революционная борьба, которую вёл против «легальных марксистов» Ленин. Под воздействием Ленина Плеханов в период своего сотрудничества в ленинской «Искре» выступает против Струве. Он при-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 20.

знал ошибкой своё запоздание с критикой Струве и написал известные статьи — «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития». В этих статьях популярно освещается применение марксистского диалектического метода к изучению общественной жизни, в частности к вопросам социальной революции, разоблачается ревизионизм, выросший на русской почве в своеобразной форме «легального марксизма».

Плеханов назвал «легальный марксизм» буржуазной пародией на марксизм и указал, что *идеалы* «легальных марксистов» *«не идут дальше «непрерывного» штопанья дыр капиталистического общества»*¹.

В 1902 г. Ленин, первый обративший внимание на махистскую опасность, призвал Плеханова выступить и дать критику махистской философии.

Не сразу, лишь с 1908 г. начал критиковать Плеханов идеалистическое содержание махистской философии, показывать враждебность её материализму.

В ряде философских статей, в том числе в работе «Materialismus militans» (письма к Богданову), Плеханов остроумно критиковал русских последователей Маха: Богданова, Базарова, Луначарского и др., под видом марксистского материализма пропагандировавших утончённый и приглаженный идеализм.

Но характерная особенность философских работ Плеханова — отвлечённость, теоретизирование — особенно видна в его статьях против русских эмпириокритиков. Всё своё внимание он сосредоточил на том, чтобы вскрыть логическую несостоятельность философских построений махистов, разоблачить идеализм в их учении о материи и сознании, о пространстве и времени, вскрыть противоречивость и непоследовательность взглядов Маха и Богданова. Статьи Плеханова носили фельетонно-беллетристический характер и не давали всесторонней и глубокой критики гносеологических и социальных корней идеализма. Он, например, вскрывал логическую несостоятельность «теории общезначимости» Богданова и остроумно доказывал, что эта теория, отрицающая объективную истину, приводит к нелепицам. Но этим приёмом — привести противника к логическому абсурду — Плеханов ограничил свою задачу критики махизма. Эта критика была абстрактна и недостаточно глубока.

Ленин в «Философских тетрадах» указывал, что плехановская критика велась больше с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической, точки зрения: Плеханов, критикуя, не исправлял, не обобщал, а отвергал а limine (с порога) рассуждения кантианцев и агностиков, вследствие чего критика его была недостаточна.

Будучи меньшевиком, Плеханов не мог вскрыть гносеологические и социальные корни русского махизма, объективную

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 261.

классовую роль ревизионизма в философии, недооценил вред махизма как одной из форм философской реакции против марксизма. Он считал махизм малозначимым, не оформленным философским течением, а махистов — группкой «плохих философов», которых нужно не критиковать, а поместить в сумасшедший дом.

Плеханов не показал также и связи махизма с кризисом естествознания, с идеализмом в физике. Ленин писал: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма»¹. Плеханов не обратил внимания на рост идеалистических тенденций в физике. Он писал, что в наше время нематериалистическое естествознание невозможно, что в атмосфере современного естествознания махизму дышать нечем. Ленин, имея в виду идеализм в естествознании, делает на полях книги пометку: «Плеханов молчит об этом «новом течении», не знает его»².

Серьёзной ошибкой Плеханова было ещё и то, что он не преминул использовать борьбу с махизмом в своих фракционных, меньшевистских целях, против большевиков. У Плеханова, указывал Ленин в 1908 г., «... мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий»³; Плеханов наносит большой вред философии марксизма, связывая критику махизма «... с фракционной борьбой, но ведь теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым»⁴.

В силу этих больших недостатков задача разгрома русского махизма не была выполнена Плехановым.

Должную отповедь махизму и всем перерожденцам в области теории марксизма дал Ленин в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в свет в 1909 г.

Плеханов не смог теоретически осмыслить и обобщить то новое, что дано естествознанием и философской наукой за период от Энгельса до Ленина. Товарищ Сталин указывал, что Плеханов не решился даже серьёзно приступить к выполнению этой задачи. Эту задачу выполнил Ленин: он обобщил новые открытия естествознания и дал всестороннюю критику идеализма. Ленин не только отстоял, но и развил дальше теоретические основы марксистской партии.

Процесс познания Плеханов объяснял материалистически, он подчёркивал объективное содержание наших представлений и понятий о вещах и явлениях природы. Происхождение и развитие сознания Плеханов связывал с историческим развитием человека. Он стремился выяснить и показать, что история мы-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, изд. 4, стр. 238.

² В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 405.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, изд. 4, стр. 340.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVIII, изд. 3, стр. 524.

шления обусловлена историей общественного бытия. Он замечательно показал значение труда в формировании общественного сознания.

Защищая марксистское учение о принципиальной познаваемости мира, о способности человеческого познания давать объективную истину, Плеханов писал: «Правильный взгляд, результат всестороннего рассмотрения действительности есть уже объективная истина, которую не устранят никакие дальнейшие противоречия... Никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытие превращения энергии, ни открытия изменяемости видов, ни гениальных открытий Маркса».

Человеческая мысль, указывал Плеханов, не остановится в своём стремлении познать мир. Она будет делать всё новые и новые открытия. Так новые открытия будут дополнять и подтверждать теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытие Коперника.

Плеханов подчёркивал, что источником наших ощущений является объективный, вне нас существующий реальный мир, что наши ощущения и представления о внешнем мире являются результатом воздействия на нас «вещей в себе», что наши представления соответствуют и не могут не соответствовать взаимным отношениям вещей вне нас, но они не тождественны с ними.

Рассмотрение вопросов теории познания сопровождалось у Плеханова серьёзными ошибками. Ленин, говоря о неумении «применить диалектики» к теории отражения, «к процессу и развитию познания»¹, относит этот недостаток и к Плеханову. Плеханов не сумел подойти последовательно исторически к процессу возникновения знания и его развития и нередко ставил вопросы метафизически, а не диалектически. Он обособил теорию познания от диалектики и логики, не видел их единства и связи, не видел того, что никакой раздельной от диалектики теории познания быть не может.

«Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов»².

Плеханов теорию отражения сводил к теории иероглифов, ставшей основой его ошибок полукантианского типа. В 1892 г. в примечании к первому изданию своего перевода книги Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов высказал иероглифическую точку зрения на теоретико-познавательный процесс. Он ошибочно утверждал, что наше мышление не обладает способностью верно отражать, правильно познавать действительность, что наши ощущения и представления — не копии дей-

ствительных вещей и процессов природы, а лишь условные знаки, символы, иероглифы, которые условно передают нам картину и связь явлений объективного мира.

В 1899 г. в статье «Ещё раз материализм» Плеханов повторил свои доводы в защиту теории иероглифов. «Было бы очень странно, — писал он, — если бы ощущение и выросшее на его почве представление *походило* на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, *ни ощущение, ни представление*... Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как *иероглифы*»¹.

Базаров и другие русские махисты с целью дискредитировать диалектический материализм уцепились за эту ошибочную теорию Плеханова, выставляя её как марксистскую.

Впоследствии под давлением ленинской критики Плеханов пытался представить дело так, что теория иероглифов — это лишь терминологическая ошибка, что он чувствует «все неудобства от такой неточности». Но по сути дела Плеханов остался на старых позициях. В своих примечаниях к работе Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов лишь заменил термин «иероглиф» термином «вид» вещи.

Вот почему даже после того, как Плеханов назвал эту терминологию неправильной, Ленин счёл нужным отметить отступление Плеханова от той формулировки материализма, которую дал Энгельс.

Ленин подверг теорию иероглифов Плеханова критике в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Он показал, что Плеханов при изложении материализма сделал явную ошибку, что «условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма»². Конечно, говорил Ленин, изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается»³.

Позднее, в 1911 г., в статье о книге Рихтера Плеханов допустил ту же ошибку. Он писал: «Определённые ощущения *соответствуют* определённым свойствам или состояниям вещей, но они совсем *не сходны* с ними»⁴.

Не менее серьёзная ошибка, на которую указал Ленин, была допущена Плехановым по вопросу об опыте. Плеханов считал, что если махисты называют опыт предметом исследования, а не средством познания, то они материалисты. Он не заметил, что от этого идеалисты-махисты отнюдь не становились материалистами. Плеханов не дал материалистического понимания опыта,

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 141, 142.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, изд. 4, стр. 223.

³ Там же.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVII, стр. 171.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 330.

² Там же, стр. 329.

не указал, что источником опыта является объективный мир, существующий независимо от познания.

Плеханов ошибочно утверждал, что гносеология Маркса и есть собственно гносеология Фейербаха, но только углублённая посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки. Плеханов по существу отождествлял понимание Марксом практической революционной деятельности с точкой зрения Фейербаха на практику.

В период, когда Плеханов изменил марксизму, он в статье «От идеализма к материализму» (1914 г.) писал, будто Маркс был неправ, когда упрекнул Фейербаха в том, что тот не понимал «практически-критической деятельности». Плеханов преувеличивал значение философии Фейербаха, когда утверждал, что с помощью «выработанного Фейербахом правильного понятия об единстве субъекта и объекта»¹ Маркс подошёл к вопросу о роли практики в теории познания. Как видно, революционную практику Плеханов понимал неправильно.

*
*
*

В многочисленных философских произведениях революционного периода своей деятельности Плеханов развернул борьбу против метафизики, за марксистский диалектико-материалистический метод. Вопросы диалектики освещались Плехановым в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в сборнике «Критика наших критиков», в статьях о Белинском, Герцене, Чернышевском.

Марксистский диалектический метод является величайшей революционной силой, душой марксизма, «алгеброй революции», говорил Плеханов, пользуясь формулой Герцена. Марксистская диалектика потому не нравится филистерам, что она оправдывает «крупные перевороты» (революции). Она служит прогрессу, обоснованию общественного развития.

Плеханов не раз комментировал и подкреплял примерами известное место из послесловия Маркса ко второму немецкому изданию I тома «Капитала» о диалектике: «... в положительное понимание существующего она вместе с тем включает понимание его отрицания, его необходимой гибели»².

Развитие природы и общества есть диалектический процесс, живое противоречие. Всё развивается через противоречия, через борьбу противоположностей. Всё конечное само себя устраняет, переходя в свою противоположность. «Жизнь сама носит в себе зародыши смерти», — писал Плеханов, — и... всякое явление *противоречиво* в том смысле, что оно само из себя развивает те

элементы, которые, рано или поздно, положат конец его существованию, превратят его в его собственную противоположность. Всё течёт, всё изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить это вечное движение»¹.

В своих марксистских произведениях Плеханов резко критиковал тех, кто проводил метафизическую точку зрения отрицания противоречий, скачков, переворотов, кто в истории видел только постепенность развития, примирение, слияние. Метафизики снабжают своё учение значительной примесью консерватизма, они «умеют исказить и самое учение о развитии. Они твердят, что ни в природе, ни в истории скачков не бывает»². Метафизики признают только одну эволюцию, постепенное развитие, количественное изменение вещей и явлений. «Когда они говорят о *возникновении* какого-нибудь явления или общественного учреждения, они представляют дело так, как будто это явление или учреждение было когда-то очень маленьким, совсем незаметным, а потом постепенно подрастало»³. То же самое с его уничтожением. Предполагается постепенное его уменьшение до тех пор, пока оно не станет совсем незаметным.

Струве, например, в своём отрицании социальной революции пытался прикрыться «гносеологией», доказывая, что жизнь «опровергает» диалектику, что имеет значение одна только непрерывность. Для Струве было ненавистно понятие социальной революции. Он осуждал диалектику за её якобы излишнюю определённую, резкую разграниченность процессов, за скачки, из-за которых якобы не видно развития. По мнению Струве, противоречия между производительными силами и производственными отношениями не существуют; в обществе действует закон «притупления противоречий».

В своих статьях против П. Струве Плеханов, используя большой фактический и статистический материал, резко выступил против струвистской формулы «противоречия» и разоблачил попытку Струве подменить марксову теорию социального развития.

«В прогрессирующих обществах, — писал Плеханов, — рост противоречий между новыми общественными потребностями и старым общественным строем сопровождается обыкновенно обостренным борьбой...»⁴.

«Раз возникло противоречие... — указывал Плеханов, — оно не «притупляется», а *растёт*, благодаря не останавливающемуся росту содержания»⁵.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, 1925, стр. 117.

² Там же, стр. 119.

³ Там же.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 167.

⁵ Там же, стр. 185.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 197.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 416.

Рассматривая противоречия между буржуазией и феодальными учреждениями в эпоху французской революции, Плеханов доказывает, что общественная жизнь идёт не по вымышленному закону «притупления» противоречий, а по закону обострения противоречий, что классовые противоречия не притупляются, как это утверждал Струве, а обостряются в процессе развития.

Плеханов показал, что Струве выступил сторонником не социальной революции, а социальной реформы. Устранение капиталистических отношений производства и замена их социалистическими возможны, по Струве, путём самого медленного, постепенного их изменения. Плеханов возражал против такого уродливого понятия о развитии. Постепенное непрерывное изменение не может объяснить ни возникновения, ни исчезновения предметов. Струве и другие метафизики, говоря о развитии, на самом деле говорят не о действительном развитии, означающем возникновение нового, а о существовании уже возникших вещей, которые были «незаметны», а теперь «выросли» и стали заметны.

Плеханов показал, что в природе и в человеческом обществе скачки составляют такой же необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения. Постепенные количественные изменения, говорит Плеханов, неизбежно приводят к взрывам, к качественным изменениям, к скачкам и революциям. Революции закономерны, они подготовляются процессом эволюции. Революция, скачок есть перерыв постепенности и поэтому существенно отличается от эволюции, поскольку эта последняя тождественна с медленными изменениями.

Возражая Струве, который считал, что понятие социальная революция не выдерживает критики, Плеханов писал:

«Если понятие — социальная революция несостоятельно потому, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит, то, очевидно, что эти решительные доводы должны в одинаковой мере относиться как к революции буржуазии, так и к революции пролетариата. А если революция буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а изменения «непрерывны», то у нас есть все основания думать, что в своё время совершится и революция пролетариата»¹. Марксист Плеханов подчёркивал, что не скачков не терпит интеллект, а именно непрерывности².

Плеханов отражал и атаку Бернштейна на марксову материалистическую диалектику, разбивая его мнение, что законы диалектики якобы вредно влияют на наши представления о внешнем мире, затемняют изменения, происходящие в действительности, и якобы вообще никакого диалектического движе-

ния в природе и обществе нет и не может быть. Плеханов говорит, что диалектика не только не препятствует трезвому отношению к действительности, но именно диалектический подход требует трезвого, конкретного рассмотрения явлений. Только потому, что Маркс и Энгельс встали на почву диалектики, они дали действительную картину развития природы и общества. Отказ Бернштейна от диалектики, говорит Плеханов, вызван его нежеланием «пугать буржуазию ужасами насильственной революции».

Плеханов пропагандировал важнейший принцип материалистической диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Он отмечал блестящую формулировку положения о конкретности истины, данную Чернышевским. Но Плеханов был непоследователен в применении этого принципа.

Несмотря на ряд примеров, приводимых Плехановым и характеризующих диалектический процесс развития мира, в формулировке Плеханова о развитии не дано понимания закона единства и борьбы противоположностей как сути диалектики, как основного закона диалектики.

Плеханов сосредоточивает внимание на подробном изложении закона перехода количественных изменений в качественные. Этот закон он называет великим законом. Противоречие между новым и старым, между формой и содержанием он называл великим законом отвержения формы, порождённой известным содержанием, вследствие дальнейшего роста того же содержания; но закон борьбы противоположностей он недостаточно уяснил.

В связи с рассмотрением и обоснованием марксистского диалектического метода Плеханов уделил немало внимания виднейшему представителю идеализма XIX века — Гегелю. Наиболее выдающейся в этой области работой Плеханова была его статья «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891 г.), представлявшая собой попытку материалистической переработки диалектики Гегеля. Появившись после книги Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», эта статья в те годы была одной из лучших в международной социалистической литературе марксистских работ о Гегеле. Энгельс справедливо назвал статью Плеханова превосходной. В ней Плеханов анализировал противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода.

Плеханов подчёркивал, что диалектический метод — это самая характерная черта современного материализма, самое мощное научное орудие. Однако материализм не мог воспользоваться диалектикой в её идеалистическом виде — диалектикой Гегеля.

Плеханов на ряде примеров вскрывает ограниченность и мистику гегелевского диалектического метода. Идеалистическая

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 246.

² См. там же, стр. 246, 247, 250.

диалектика Гегеля, утверждающая в основе своей «самопроизвольное движение чистой мысли», эта диалектика «несогласима с материализмом». «В основе нашей диалектики, — пишет Плеханов, — лежит материалистическое понимание природы. Она на нём держится; она упала бы, если бы суждено было пасть материализму»¹. Материализм ставит диалектику «на ноги», преобразовывает её коренным образом и снимает с неё мистическое покрывало, которым она была окутана у Гегеля. «Кто не знает, — пишет Плеханов, — что когда Маркс захотел поставить диалектику «на ноги», он начал с исправления этой её коренной ошибки, вызванной её старой идеалистической основой?»²

Плеханов популярно разъясняет высказывания Маркса и о другой стороне гегелевской философии — о консервативной догматической системе Гегеля, которая находилась в противоречии с его диалектическим методом. О противоречии метода и системы Гегеля Плеханов писал:

«Если Гегель построил такую систему (абсолютного идеализма. — Авт.), — а он думал, что ему удалось построить её, — то, рассуждая в духе идеализма, мы должны признать, что цель непрерывного движения духа уже достигнута: в лице Гегеля дух пришёл к самопознанию в его истинной, «адекватной» форме, т.-е. в форме понятия. А раз цель движения достигнута, то оно должно прекратиться... Абсолютный идеализм Гегеля приходил в непримиримое противоречие с его же диалектическим методом»³.

Системой абсолютного идеализма Гегель стремился оправдать немецкую реакционную государственность того времени, доказать совершенство и вечность тогдашнего общественного строя. Плеханов отмечает у Гегеля «его филистерское отношение к прусской действительности того периода»⁴.

В «Философии права», пишет Плеханов, «чуть не на каждой его странице выступает стремление Гегеля остаться в мире с существующим порядком. Замечательно, что там у него встречается даже выражение: «мир с действительностью». . . Именно, Гегель говорил там, что человек, сумевший открыть ум, скрытый в действительности, не восстаёт против неё, а мирится с нею и радуется на неё»⁵.

Плеханов высказывает мысль о том, что философию Гегеля можно понимать как арифметику застоя. Если до Гегеля философская мысль постоянно подвигалась вперёд, то Гегель провозгласил начало её застоя. Плеханов пишет: «В тех самых чтениях по истории философии, в которых Гегель с восторгом

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 268.

² Там же, стр. 267.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, стр. 53.

⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 151.

говорил о героях древности, восставших против установленного порядка, мы встречаем назидательное рассуждение о том, что в новейшем обществе, в противоположность античному, философская деятельность может и должна ограничиться внутренним миром, так как внешний мир, общественный строй, пришёл теперь в известный разумный порядок, «примирился сам с собой». Таким образом, и в сфере общественных отношений прежде было движение, а теперь оно должно остановиться»¹.

Положению гегелевской философии, что теория не может заглядывать вперёд и ставить вопрос о будущем развитии общества, противостоит марксистское учение о закономерностях общественного развития, о возможности предвидеть возникновение и характер новых общественных форм.

Как марксист Плеханов отвергал и учение Гегеля о сглаживании противоречий, о примирении и синтезе их в ходе развития. Плеханов стремился подчеркнуть революционный характер марксистской диалектики. Но задача показать коренное отличие учения Маркса и Энгельса о преодолении противоречий через борьбу противоположностей от учения Гегеля о сглаживании противоречий не была им решена.

Плеханов защищал марксистскую диалектику, не раз цитировал высказывания Маркса и Энгельса об отличии их диалектического метода от метода Гегеля. Однако он не смог раскрыть всего величия и глубочайшего содержания созданного Марксом и Энгельсом совершенно нового, диалектико-материалистического метода. В его работах детально не вскрыты отличительные особенности метода Маркса от метода Гегеля. Больше того, Плеханову принадлежат ошибочные утверждения, что Маркс заимствовал от Гегеля диалектический метод, а от Фейербаха материализм, что марксистская философия является синтезом диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. Подметив филистерство и приверженность Гегеля к прусской монархии, Плеханов не сумел раскрыть, как это было сделано Марксом и Энгельсом, социально-исторические условия возникновения философии Гегеля и её классовую направленность как реакцию немецкой аристократии на французскую революцию и на французский материализм.

Высоко ставя пропаганду Плехановым марксистского диалектического метода, Ленин вместе с тем отмечал, что Плеханов недостаточно внимания обратил на одну из основных черт марксистской диалектики — на закон единства и борьбы противоположностей, не показал его как закон развития всей действительности. Плеханов сводил этот закон к частным случаям и проявлениям. В «Философских тетрадах» Ленин подчеркнул, что у Плеханова «тождество противоположностей берется как

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 150—151.

сумма примеров»¹, что Плехановым написано по философии около тысячи страниц, но диалектике как теории познания, как философской науке, науке о законах объективного мира и мышления, он не посвятил ни одной страницы².

* * *

Материалистическому пониманию истории Плеханов посвятил ряд специальных работ, например: «О материалистическом понимании истории» (1897 г.), «Нечто об истории» (1897 г.), «Основные вопросы марксизма» (1908 г.) и др. Он отвёл много места вопросам исторического материализма также и в других своих произведениях.

Плеханов показывает, что лишь благодаря Марксу материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного мирозерцания. До Маркса никто не мог дать правильного, строго научного объяснения истории. Все материалисты до Маркса были идеалистами в понимании общественной жизни. В высшей степени интересные попытки объяснить общественное и умственное развитие человечества влиянием материальных потребностей на общественную жизнь людей остались лишь отдельными гениальными догадками лучших умов человечества. Открытие материалистического понимания истории — всемирно-историческая заслуга Маркса. Это целый переворот, подобный перевороту, совершённому Коперником в астрономии. Впервые в истории Маркс достроил материализм доверху, распространив его на область общественных явлений.

«Только Маркс сумел применить материализм к объяснению исторического движения человечества, и потому с Маркса начинается новая эпоха в развитии общественной науки»³.

Идеализм был изгнан навсегда из этого последнего убежища. Всё это дало возможность Марксу, говорил Плеханов, вывести нас из заколдованного круга, указать нам верный путь научного исследования, покончить с утопизмом и научно обосновать социализм.

«Сторонники научного социализма, — писал Плеханов, — имеют стройную и последовательную программу, глубочайшую основу которой составляет материалистическое понимание истории»⁴.

В доменьшевистский период своей деятельности Плеханов помогал Ленину отбивать яростные нападки врагов марксизма — народников, неокантианцев, вульгарных материалистов —

на исторический материализм, разоблачать реакционные идеалистические и вульгарно-социологические теории общества.

Разоблачая попытку народников представить исторический материализм как нечто не связанное со своей философской основой — диалектическим материализмом, Плеханов говорил, что всякий отрыв исторического материализма от диалектического материализма ведёт к уродованию и извращению его основных положений, что материалистическое понимание истории есть распространение философского материализма на область общественной жизни.

Открытые Марксом объективные законы развития общества (законы материального производства и классовой борьбы) дали возможность представить историческое развитие, говорит Плеханов, как закономерный, законосообразный процесс.

В своей работе «О материалистическом понимании истории» Плеханов детально разъясняет и комментирует основные положения исторического материализма, изложенные Марксом в знаменитом предисловии «К критике политической экономии».

Помимо критики субъективно-идеалистической социологии народников Плеханов подвергает критике вульгарную «теорию факторов». «Теория факторов», как показывает Плеханов, эклектически утверждает, что и человеческие страсти, и государственное право, и экономика являются «именно теми «скрытыми силами», влиянием которых и объясняются события»¹.

«С точки зрения теории факторов человеческое общество представляется тяжёлою кладью, которую различные «силы» — мораль, право, экономика, и т. д. и т. д. — тащат каждая с своей стороны по историческому пути. С точки зрения современного материалистического понимания истории дело принимает совсем другой вид. Исторические «факторы» оказываются простыми абстракциями... становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время»².

Плеханов, говоря о несостоятельности «теории факторов», указывал, что она прикрывает идеализм в общественной науке. Теория факторов не может дать научного объяснения общественного развития, ибо «она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные её стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества»³.

Плеханов подчёркивает, что основная причина общественно-исторического процесса — развитие производительных сил, что развитие производительных сил обуславливает собой все обще-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 327.

² См. там же, стр. 258—259.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VI, стр. 311.

⁴ Г. В. Плеханов, Против философского ревизионизма, Сборник статей, 1935, стр. 117.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 243.

² Там же, стр. 270.

³ Там же, стр. 245.

ственные отношения. Все действующие и взаимодействующие силы в общественной жизни Маркс свёл к общему и единому источнику — экономическому развитию. «Анатомию же гражданского общества, — цитирует Плеханов Маркса, — надо искать в его экономии»¹. Плеханов поясняет: чтобы жить и удовлетворять свои нужды, люди должны производить; чтобы производить, они должны установить друг с другом взаимные отношения, которые у Маркса называются производственными отношениями. Совокупность этих отношений и составляет экономическую структуру общества, на основе которой вырастают все другие социальные отношения людей. Процесс производства и воспроизводства материальных условий существования общества — основа общественной жизни, основа человеческой истории. «Что основная причина общественно-исторического процесса есть развитие производительных сил, — это мы говорим слово в слово с Марксом»², — пишет Плеханов.

Но в своих работах Плеханов не раскрывает подлинного значения внутреннего источника жизни общества — развития производительных сил, он ошибочно видит этот источник в условиях внешней, географической среды. Даже в лучшем своём труде, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов преувеличивает значение географического фактора. Позднее, в работе «Основные вопросы марксизма», эта тенденция подмены внутреннего источника развития производительных сил географическим фактором вырисовывается ещё более резко. В книге «Основные вопросы марксизма» Плеханов пишет, что «свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений. . . Развитие производительных сил, определяющее собою, в последнем счёте, развитие всех общественных отношений, определяется *свойствами географической среды*»³.

Утверждение, что в конечном счёте условия географической среды обуславливают развитие общества, что «влияние географической среды сказывается прежде всего и в сильнейшей степени на характере *общественных отношений*»⁴, свидетельствует о явном «географическом уклоне» Плеханова.

Наиболее отчётливо преувеличение роли географической среды выступает в работе «История русской общественной мысли». Объяснение особенностей исторического развития России Плеханов видел не в крепостничестве, а прежде всего во влиянии географического фактора на жизнь общества. Он писал: «Анализ географической обстановки русского историче-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, 1925, стр. 159.

² Там же, стр. 199.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 205, 206.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, стр. 283.

ского процесса привёл меня к тому заключению, что под её влиянием рост производительных сил русского народа происходил очень медленно сравнительно с тем, что мы видим у более счастливых в этом отношении народов Западной Европы»¹.

При таком преувеличении роли географической среды у Плеханова выпала роль классовой борьбы в развитии производительных сил общества.

Вместе с тем Плеханов наглядно разъяснял мысль основоположников марксизма: чтобы понять историю, недостаточно знать экономию общества, надо от экономии уметь перейти к изучению идеологии. «Историческая наука не может ограничиться одной анатомией общества; она имеет в виду *всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно*».

Убедительно пишет Плеханов о зависимости идеологии от экономического базиса общества. Право, государственный строй, нравственность непосредственно или косвенно обуславливаются свойственными данному обществу экономическими отношениями. Изменения в области общественных отношений приводят к изменениям и в области духовной жизни.

«Трудно ли понять, — приводит он слова Маркса и Энгельса, — что с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным положением меняются также их представления, воззрения, понятия, словом, всё их мирозерцание. Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной?»²

Плеханов показывает, что, пока не изменились общественные отношения, психология общества тоже не изменится. Люди привыкают к данным понятиям, верованиям, к данным приёмам мысли, к данным способам удовлетворения эстетических потребностей. «Но если развитие производительных сил приводит к сколько-нибудь существенным переменам в экономической структуре общества, а вследствие этого и во взаимных отношениях общественных классов, то изменяется и психология этих классов, а с нею и «дух времени», и «характер народа»³. Эти перемены выражаются в появлении новых философских понятий, новых идей и теорий, новых направлений в искусстве, новых эстетических требований.

Плеханов подчёркивает, что борьба против устарелых производственных отношений заставляет людей стать в критическое отношение не только к старому общественному порядку, но также и к тем идеалам и взглядам, которые выросли на почве старого порядка. Происходящая в обществе борьба — это борьба носителей нового, прогрессивного общественного строя

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XX, 1925, стр. 3.

² См. Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 312.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 251.

против тех, кто представляет отживающий уклад общественной жизни.

«Победы, одерживаемые новаторами над консерваторами и ведущие к реформам, не исключают революции, но, напротив, ускоряют её приближение, вызывая у консерваторов естественные в таких случаях реакционные порывы, у новаторов — жажду новых побед и новых завоеваний»¹.

В борьбе против народников Плеханов блестяще показывал значение новых, передовых идей и теорий в жизни общества. Он подчёркивал исключительное значение сознательной свободной деятельности людей, основанной на знании законов общественного развития. Он утверждал, что сознание человека, его умственная деятельность, высокие и благородные общественные идеалы играли величайшую роль в истории. Права разума необъятны и неограниченны. «Всё, что есть разумного в человеческой голове, т. е. всё то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдёт в эту действительность, непременно внесёт в неё свою долю разумности»².

Воспитанный на классических произведениях Маркса и Энгельса и на революционно-демократических идеях передовой русской общественной мысли, Плеханов-марксист был убеждён, что борьба прогрессивных сил общества, борьба пролетариата станет успешной только тогда, когда она будет освещаться передовой и самой революционной теорией — теорией Маркса и Энгельса. «Ведь без революционной теории, — провозгласил Плеханов, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова»³.

«Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добывающая господства, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»⁴.

И, напротив, ошибочные, отжившие идеи и теории могут лишь тормозить, задерживать развитие общества, его продвижение вперёд.

В статье «Внутреннее обозрение» Плеханов писал: «Нет, господа, идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимою си-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 180.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, 1925, стр. 245—246.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, изд. 3, стр. 71.

⁴ Там же.

лою. В противном же случае она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения...»¹

Плеханов высмеял идеалистические утверждения народников о независимости идей и теорий от жизни общества. «Идеи «посрамлялись» всякий раз, — говорил он, — когда они не совпадали с реальными, экономическими интересами того общественного слоя, который является в данное время носителем исторического прогресса».

Плеханов указывал, что сторонники марксизма «не довольствуются надеждой на то, что социалистические идеалы благодаря своему возвышенному характеру привлекут к себе всеобщую симпатию и потому восторжествуют»². Одного осуждения капитализма, как это делали народники, слишком мало. Плеханов призывал интеллигенцию поднять пролетариат для осуществления им своей исторической миссии освобождения человечества. «Вот если бы... интеллигенция прониклась, наконец, могучей идеей современного научного социализма, — она перестала бы хныкать и бездействовать»³.

Все эти важнейшие положения впоследствии были забыты Плехановым. Меньшевик Плеханов ограничивался в анализе революции объективными условиями, выяснением роли объективного фактора — экономики — и рассматривал субъективный фактор — деятельность рабочего класса — как придаток стихийного движения, принимал роль сознательного элемента в классовой борьбе, роль партии. В своих работах Плеханов недостаточно освещал вопрос об обратном влиянии идеологических надстроек на экономический базис общества. Нередко Плеханов преувеличивал значение экономического фактора и проводил механическую зависимость идеологических надстроек от базиса и упускал из вида диалектическое единство и взаимодействие базиса и надстроек. Это нашло выражение в его ошибочной пятичленной формуле, которая дана в работе «Основные вопросы марксизма».

Употребляя термины «общественная психология», «психика» вместо терминов «общественное сознание», «идеология», Плеханов открывает путь идеализму с его учением о «подсознательной» психике, к биологизму с его «вечными психологическими законами человеческой природы».

Но в период классического двадцатилетия своей деятельности Плеханов признавал организующее значение новых идей и теорий.

Признание марксистом Плехановым величайшей роли передовых идей в развитии общества было направлено против распространявшегося среди русской революционной интеллигенции Михайловским и другими народниками вульгарного истол-

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, изд. 3, стр. 264.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, изд. 3, стр. 93.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, изд. 3, стр. 265.

кования исторического материализма Маркса как «экономического материализма».

Плеханов разоблачил и заклеил попытки Михайловского извратить теорию исторического материализма. Народники утверждали, что марксисты будто бы игнорируют идеальные цели и побуждения людей. Михайловский изображал дело так, будто Маркс не придавал ровно никакого значения ни политическим, ни нравственным, ни философским, ни эстетическим понятиям людей, везде и всюду видя одно «экономическое». Народники приписывали марксистам взгляды «экономического материализма» потому, что «доводы блаженной памяти экономический материалистов легче опровергать, чем доводы материалистов-диалектиков», — говорил Плеханов.

В борьбе против Михайловского Плеханов напоминает замечательные слова Энгельса о том, что только филистер «под материализмом... понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность и скупость, стремление к наживе и биржевые плутни, короче, — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне»¹.

Народники пытались изобразить марксизм в духе морали старухи-чиновницы из рассказа Успенского. «Обыкновенному русскому читателю, — писал Плеханов, — историческая теория Маркса кажется каким-то гнусным пасквилом на человеческий род. У Г. И. Успенского, — если не ошибаемся, в «Разорении», — есть старуха-чиновница, которая даже в предсмертном бреду упорно повторяет гнусное правило всей своей жизни: «в карман норови, в карман!» Русская интеллигенция наивно думает, будто Маркс приписывает это гнусное правило всему человечеству; будто он утверждает, что чем бы ни занимались сыны человеческие, они всегда... «норовили в карман»².

Показывая узость и односторонность понятий, приписываемых русскими субъективными социологами Марксу, Плеханов разъясняет, что у Маркса остов экономики покрывается живой плотью социально-политических учреждений, человеческих идей, чувств и стремлений, что Маркс не отрицал важнейшего значения политики и идеологии в жизни людей, он только выяснял их генезис, находя его в экономической основе общества.

Разъясняя вопрос о зависимости идеологии от экономического базиса общества, Плеханов говорит о классовом характере идеологических надстроек. Он, например, считал недостаточным объяснение развития философии только развитием науки, минуя развитие общественных отношений. В классовом обществе наука, философия, искусство являются орудием классов и служат их интересам. Но это марксистское положение не

являлось для Плеханова боевым партийным методом оценки и изучения общественных явлений. Плеханов остался на позиции объективизма и «надпартийности», игнорировал классовый, партийный характер науки, философии.

Даже и в известных марксистских произведениях Плеханова, написанных в доменьшевистский период, имеется немало ошибок по вопросам материалистического понимания истории. На плехановской трактовке проблем исторического материализма лежит печать абстрактности, отвлечённости от практики революционной борьбы пролетариата.

Схематизм, свойственный вождям II Интернационала, присущ и Плеханову. Его труды не дают живой картины истории общества, конкретных этапов его развития. У Плеханова мы не найдём характеристики общественно-экономических формаций общества, он игнорировал это важнейшее понятие при освещении основных проблем исторического материализма.

Изучение особых законов общественных формаций он подменяет общей схемой общественного развития.

Серьёзные недостатки социологических взглядов Плеханова проявились также в его учении о государстве и революции. Плеханов не понял марксистского учения о сущности государства, он уклонился от выяснения вопроса об отношении государства к революции, о диктатуре пролетариата.

Он воспроизвёл антинаучную и вредную идею о внеклассовом происхождении российского государства и государственной власти. В «Истории русской общественной мысли» он писал, что история человеческого общества — это не только борьба классов, но и история более или менее дружного сотрудничества классов, а российское самодержавие — это надклассовая организация, орган сотрудничества классов и организации всех классов для борьбы с внешним врагом. Плеханов считал, что одной из главных особенностей русского исторического процесса было то, что открытая борьба классов якобы не характерна для русской истории, что борьба классов в России, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии в течение очень долгого времени, не только не колебала у нас политический порядок, а чрезвычайно упрочивала его. Потребности государственной обороны притушили эту борьбу и во всяком случае отодвинули её на второе место.

Плеханов не дал конкретного изложения учения Маркса и Энгельса об уничтожении буржуазного государства и установлении диктатуры пролетариата. Ещё в 90-х годах он, по словам Ленина, в своей книге «Анархизм и социализм» ухитрился трактовать тему об анархизме и социализме, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще. «Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVII, стр. 277.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, 1925, стр. 159.

о государстве, не замечая всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму»¹, — писал Ленин.

В работах Плеханова осталось нераскрытым учение Маркса о диктатуре пролетариата. Даже в его марксистских произведениях до 1903 г. нет чёткой постановки вопроса о диктатуре пролетариата. В книге «Социализм и политическая борьба» он утверждал, что единственной политической формой, при которой возможно осуществление социальных стремлений пролетариата, является прямое народное законодательство. Понятие диктатуры пролетариата заменяется им расплывчатой идеей «прямого народного законодательства» лассальянского толка.

В предисловии к «Манифесту коммунистической партии» Плеханов анализирует предшествующие марксизму теории классовой борьбы и пытается дать характеристику учения Маркса о классовой борьбе; но он не подчёркивает того нового, что внесено Марксом, что марксизм доводит признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. По мнению Плеханова, ещё до Маркса была понята роль классов и классовой борьбы «как важнейшего двигателя истории».

Во время выработки проекта программы партии внутри «Искры» возникли серьёзные разногласия между Лениным и Плехановым. В своём проекте Плеханов не отметил роли пролетариата как гегемона революции, не показал отличие его революционности от революционности остальных классов, понятие диктатуры пролетариата заменял «диктатурой трудящихся и эксплуатируемых». Ленин подверг критике представленный Плехановым проект программы и добился замены расплывчатого термина «трудящаяся и эксплуатируемая масса» и внесения в проект программы формулировки о диктатуре пролетариата и гегемонии пролетариата в революции.

Недооценка Плехановым диктатуры пролетариата связана с тем, что он отрицал революционную роль крестьянства и не видел в крестьянстве союзника пролетариата. Союзника пролетариата он видел в буржуазии. Между тем диктатура пролетариата могла сложиться и победить только в борьбе против буржуазии.

Большое значение имели выступления Плеханова против расовых теорий общества.

В работе «О материалистическом понимании истории» Плеханов подверг критике ошибочные утверждения итальянского профессора А. Лабриолы о влиянии расовых особенностей на жизнь общества, о влиянии естественной среды на народный темперамент, а через посредство темперамента — на историю умственного и эстетического развития человека. Лабриола, говорил Плеханов, допускает «некоторые вредные для общест-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, изд. 4, стр. 447.

венной науки уступки старому образу мыслей»¹. По мнению Лабриолы, историческое развитие «усложняется действием расовых особенностей и вообще влиянием на людей окружающей их естественной среды»².

В 90-х годах прошлого столетия Плеханов выступил с резкой критикой сумасбродных и антинаучных расовых «теорий». Плеханов вполне разделял мнение русского учёного Л. И. Мечникова, критиковавшего так называемых «учёных», которые утверждали, что якобы «некоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство их расы, чтобы им развиваться медленно; другие же — цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство их расы заключается в том, что они могут развиваться быстро»³.

Плеханов зло высмеивал «учёных» расоведов, объяснявших свойствами расы все особенности истории народов. «В руках умелых людей, — писал Плеханов, — «раса» оказывается ключом к решению всех вопросов общественной науки»⁴. Такого рода объяснения общественного прогресса уместны лишь в устах мольеровских врачей.

Вслед за великим русским мыслителем Чернышевским, который в результате тщательного изучения вопроса о расах пришёл к выводу, что говорить «об особых свойствах рас», о «биологических и психологических различиях между ними» значит плести реакционный вздор, увековечивающий рабство и угнетение, Плеханов решительно выступал против реакционных взглядов о влиянии расы на историю развития народов.

В указанном выше произведении «О материалистическом понимании истории» Плеханов писал:

«Переходя к историческим народам, укажем прежде всего на то, что в применении к ним слово *раса* вообще не может и не должно быть употреблено. Мы не знаем ни одного исторического народа, который можно было бы назвать народом чистой расы; каждый из них является плодом чрезвычайно продолжительного и сильного взаимного скрещивания и смешения различных этнических элементов.

Извольте после этого определять влияние «расы» на историю идеологий у того или другого народа!»⁵

«Ссылки же на расовые свойства, — пишет Плеханов, — неудобны тем, что они прекращают исследование как раз там, где оно должно было бы начаться. Отчего история французской поэзии непохожа на историю поэзии в Германии? По очень простой причине: темперамент французского народа был таков, что у него не могло быть ни Лессинга, ни Шиллера, ни Гёте. Ну,

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 256.

² Там же, стр. 253.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, стр. 17.

⁴ Там же.

⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 254.

благодарим за объяснение; теперь мы всё понимаем»¹, — иронизирует Плеханов.

Общественная наука, подчёркивал Плеханов, только выиграет, если учёные оставят дурную привычку сваливать на расу всё то, что кажется им непонятным в духовной истории данного народа. Влияние расы на развитие народа Плеханов признаёт равным нулю. Он писал:

«Трудно сказать, например, какая раса, чёрная, жёлтая или белая, сделала наибольший взнос в цивилизацию древнего Египта. История Халдеи показывает даже, что в деле цивилизации чёрная, «кушитская» раса опередила все другие. Чернокожие учёные того времени могли бы, таким образом, считать свою расу самой способной к прогрессу и с сожалением поглядывать на племена белые и желтокожие, косневшие тогда в застое и невежестве»².

Ошибки и отступления Плеханова от философии марксизма, на которые указывали Ленин и Сталин, не противоречат общим высоким оценкам, данным Лениным и Сталиным Плеханову как одному из лучших пропагандистов и популяризаторов марксизма в России. Высоко оценивая роль Плеханова в истории русской общественной мысли, Ленин и Сталин дают конкретно-историческую критику недостатков и ошибок Плеханова как в политике, так и в теоретических вопросах.

С 1883 по 1903 г., несмотря на ряд колебаний и ошибок, Плеханов выступал как революционный марксист. Его произведения этого периода давали ответ на многие насущные вопросы русского освободительного движения, отвечали коренным задачам исторического развития России.

Осуждая меньшевистскую позицию Плеханова в период империалистической войны, Ленин вместе с тем отмечал: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»³.

* * *

В 1903 г., после II съезда РСДРП, Плеханов совершил политический поворот к меньшевизму. Он дал меньшевикам запугать себя угрозой раскола, решил во что бы то ни стало «помириться» с ними. «Из примиренца к оппортунистам-меньшевикам Плеханов вскоре сам стал меньшевиком» (Сталин).

Груз серьёзных политических и теоретических ошибок, страсти к западноевропейским «образцам» общественной жизни способствовали его переходу на позиции меньшевизма.

Товарищ Сталин вскрыл причины перехода Плеханова к меньшевизму.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 256.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VII, стр. 18.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 333.

«Дело в том, что между ним и Лениным возникло разногласие. Когда «меньшинство» впало в ярость и объявило бойкот, Плеханов стал на ту точку зрения, что необходима полная уступка. Ленин не согласился с ним. Плеханов постепенно начал склоняться к «меньшинству». Разногласия между ними ещё больше разрослись, и, наконец, дело дошло до того, что в один прекрасный день Плеханов превратился в противника Ленина и «большинства»¹. Он повёл борьбу против Ленина и большевиков, против тех политических и организационных идей, которые он сам недавно защищал. Ленин писал тогда, что Плеханов не только струсил раскола и борьбы, но и изменил нам.

Раскол в партии был вызван острой борьбой двух течений — оппортунистического и революционного. В ходе борьбы произошло размежевание революционных сил с соглашательскими оппортунистическими элементами. Это было тем важнее, что в стране назревали революционные события и необходимо было правильно оценить место и роль классов в революции, определить линию партии. Ленин и Сталин сформулировали необходимость нового тактического поворота в политике партии по отношению к либеральной буржуазии. Плеханов примкнул к оппортунистическому течению в рабочем классе, которое в мелкобуржуазной стране, какой тогда была Россия, находило себе питательную почву, главным образом в наиболее отстающих слоях пролетариата и в полупролетарской среде.

Товарищ Сталин в заключительном слове по Политическому отчёту ЦК ВКП(б) на XV съезде нашей партии показал исключительное значение борьбы Ленина в тот период против меньшевиков. Он говорил:

«Возьмем 1903 г., период второго съезда нашей партии. Это был период поворота партии от соглашения с либералами к смертельной борьбе с либеральной буржуазией, от подготовки борьбы с царизмом к открытой борьбе с ним за полный разгром царизма и феодализма... Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Они выпали из тележки. Ленин остался в единственном числе. Получилось так, что старые лидеры партии, основатели партии (Плеханов, Засулич, Аксельрод) плюс двое молодых (Мартов, Потресов) оказались против одного, тоже молодого, т. Ленина. Если бы вы знали, сколько было тогда воплей, плача и завываний о том, что партия погибнет, партия не устоит, что без старых лидеров ничего не выйдет. Однако вопли и жалобы опали, а факты остались. А факты были таковы, что именно благодаря отходу пятерки удалось партии выбраться на дорогу. Теперь ясно каждому большевику, что без решительной борьбы Ленина с пятеркой, без оттеснения пятерки наша партия не могла бы сплотиться

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 124.

как партия большевиков, способная повести пролетариев на революцию против буржуазии».

Создание боевой и революционной партии, партии ленинизма, решительно рвущей с оппортунизмом, явилось важнейшим условием успешной борьбы с капитализмом. Эта великая и почётная задача была выполнена Лениным и Сталиным.

Эволюция Плеханова к меньшевизму обусловила пересмотр им важнейших вопросов диалектического и исторического материализма. Теоретические работы Плеханова, написанные после 1903 г., не стоят изолированно от его политических меньшевистских взглядов. И стремление путать вопросы, и серьёзные теоретические ошибки, а впоследствии забвение марксистской философии Плехановым — всё это в значительной степени результат его интеллигентской шаткости, политического оппортунизма.

Так, например, в работах Плеханова-меньшевика диалектика всё более опошляется, заменяется логистикой и эклектикой, превращается в «софистику», эту «диалектику» оппортунизма. Непонимание новой эпохи, новых условий борьбы и новых задач у Плеханова всё возрастает и определяет его общефилософские позиции.

Ещё в 1904 г. товарищ Сталин в «Письме из Кутаиса» указывал: «...Плеханов отстал от *новых вопросов*... Плеханов думает, что он всё ещё пребывает в 90-х годах и жуёт пережёванное 18 раз — дважды два-де 4»¹.

В 1904 г. Плеханов выступил против Ленина по важному теоретическому вопросу — о соотношении между стихийностью и сознательностью в рабочем движении и договорился до идей «экономизма», которые он ещё так недавно осуждал. «Экономисты» курили фимиам стихийному движению, они утверждали, что социалистическое сознание не так уж необходимо для рабочего класса.

Ленин и Сталин учат, что социалистическая идеология, теория социализма, рождается вне стихийного рабочего движения. Она вырабатывается вождями рабочего класса, людьми, вооружёнными знаниями, и приносится в массы рабочего класса партией. Задача партии состоит в том, чтобы возвысить рабочий класс до осознания своих истинных классовых интересов, до понимания социалистической теории. Борьба рабочего класса, не связанная с социализмом, не освещённая социалистической теорией, содержит лишь элементы сознательности, зачатки её и является в большей степени проявлением мести и отчаяния, чем целеустремлённой классовой борьбой.

Тезис Ленина о необходимости внесения социалистического сознания в стихийное рабочее движение товарищ Сталин блестяще защищал и развивал в известной брошюре «Коротко

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 57, 58.

о партийных разногласиях» и в статье «Ответ «Социал-Демократу»».

«Рабочее движение без социализма, — писал товарищ Сталин, — тред-юнионистское блуждание, которое когда-нибудь, разумеется, приведёт к социальной революции, но ценой долгих страданий и мучений»¹. Соединение же рабочего движения с социализмом ускоряет и облегчает победу пролетариата.

Положение Ленина и Сталина, что теория социализма возникла независимо от стихийного рабочего движения и должна быть внесена извне в это движение, вызвало нападки и возражения со стороны «экономистов», меньшевиков и других представителей теории стихийности.

На II съезде партии Плеханов, солидаризируясь с Лениным, защищал ленинскую идею о том, что социалистическое сознание вносится в рабочее движение извне. Он даже упрекал «экономиста» Мартынова в том, что тот проглядел книгу Ленина «Что делать?». Возражая «экономистам», которые отрицали значение социалистической сознательности и значение партии для рабочего движения и говорили, что нужно ждать, к чему придёт рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы», т. е. без социал-демократической партии, Плеханов писал: «Последней запрещено было говорить что-либо рабочим именно потому, что она — «революционная бацилла», т. е. что у неё есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то остаётся одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что он именно это и говорит»².

А спустя несколько месяцев после II съезда Плеханов, проявив полную беспринципность, выступил против ленинской идеи, которую он защищал на съезде. Он объявил Ленину теоретическую войну, выступив в статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» против ленинской работы «Что делать?». Плеханов по существу не ответил на поднятый вопрос о соотношении стихийности и сознательности. Он свёл его, как указывал тогда товарищ Сталин, к абстрактному рассуждению об отношении «общественного бытия к общественному мышлению», «духа к материи», «героев к толпе» и представил Ленина в ложном свете как сторонника теории героев и толпы, у которого якобы масса играет роль пассивной материи, а интеллигенция является «сверх-интеллигенцией».

В «Письме из Кутаиса», направленном против этой статьи Плеханова, товарищ Сталин, защищая идею Ленина от нападок Плеханова, писал: «Война... Плеханова по вопросу о тактике — сплошная путаница, характерная для «индивида», пере-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 115.

² «Второй съезд РСДРП», Партиздат, М. 1932, стр. 125.

ходящего в лагерь оппортунистов. Если бы Плеханов поставил вопрос ясно, хоть бы в таком виде: «кто формулирует программу, руководители или руководимые?» И затем: «кто кого возвышает до понимания программы, руководители руководимых или последние первых? Или: «может быть нежелательно, чтобы руководители возвышали массу до понимания программы, тактики и принципов организации?» Если бы Плеханов так ясно поставил себе эти вопросы, в силу своей простоты и тавтологичности в себе самих заключающие своё разрешение, то он, быть может, испугался бы своего намерения и не выступил бы с таким треском против Ленина. И поскольку Плеханов этого не сделал, т. е. поскольку он запутал вопрос фразами о «героях и толпе», постольку он уклонился в сторону *тактического оппортунизма*. Путать вопросы — характерная черта оппортунистов»¹.

Плеханов не понял соотношения между стихийностью и сознательностью, между теорией и практикой; он абстрактно, метафизически изображал выработку социалистической идеологии в рабочем движении как стихийный процесс. Он недооценил опасность влияния буржуазной идеологии на рабочий класс. Его точка зрения стихийности рабочего движения, означающая отрицание руководящей роли партии и революционной теории в организации масс, являлась идеологией хвостизма.

«Теория стихийности, — указывал в 1924 г. товарищ Сталин в работе «Об основах ленинизма», — есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа *всякого оппортунизма*»².

Ленин и Сталин преодолели опасность преклонения перед стихийностью в рядах социал-демократии, разработали идеологические основы партии. Без этого нечего было думать о создании самостоятельной рабочей партии, о её руководящей роли в революции.

Расхождение Плеханова с Лениным, с большевиками ещё более углубилось в период революции 1905—1907 гг. Плеханов защищал меньшевистскую, оппортунистическую тактику в революции. Ленин, борясь против Плеханова и разоблачая его тактический оппортунизм, писал:

«Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т. е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией. . . Часть марксистов, именно правое крыло, отделялась все время общим, абстрактным, шаблонным понятием буржуаз-

ной революции, не сумев понять *особенности* данной буржуазной революции именно как крестьянской революции»¹.

Плеханов и меньшевики, рассматривая революцию 1905 г. как буржуазную, отождествляли её с французской революцией 1789 г. и абстрактно-логически выводили отсюда гегемонию буржуазии в революции, считали буржуазию движущей силой революции, пролетариат — силой, помогающей буржуазии, а революционную роль крестьянства отрицали.

Вместо конкретного анализа данной революции, её движущих сил, вместо учёта интересов и положения различных классов Плеханов, ссылаясь на «Манифест коммунистической партии», где говорится о прогрессивной роли буржуазии в прошлом, решал вопрос о движущих силах революции, исходя из общей истины о буржуазном характере революции. Плеханов этим опощлял исторический материализм, подменял диалектику формальной логикой, догматизмом.

Ленин указывал, что меньшевистское стремление искать ответы на конкретные вопросы революции в простом логическом развитии общей истины об основном характере революции есть опощление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Ленин писал:

«Меньшевики постоянно сбиваются, и до сих пор, на то, что буржуазную революцию должна собственно делать «буржуазия» (вообще буржуазия, без различия «цветов»!), а пролетариат должен помогать. Поэтому меньшевики (и в том числе Плеханов) никогда не могли определить сколько-нибудь по-марксистски, *чем* будет с точки зрения политической перегруппировки классов «решительная победа современной революции», хотя поговорить о решительной победе, даже в резолюциях, они были не прочь. Утверждение большевиков, что решительная победа может быть только диктатурой пролетариата и крестьянства, им не нравилось, но ни опровергнуть его, ни исправить или видоизменить они не могли»².

Плеханов не понял объективных задач революции 1905—1907 гг., не сумел определить того, какие классы доведут революцию до конца. Он не понял величайшей роли пролетариата как гегемона в буржуазно-демократической революции в России. Это означало, что Плеханов не видел действительных перспектив революции в России.

«Разговоры о том, что Плеханов «тоже стоял» за гегемонию пролетариата, основаны на недоразумении. Плеханов кокетничал с идеей гегемонии пролетариата и не прочь был признать её на словах, — это верно, но на деле он стоял против существа этой идеи. Гегемония пролетариата означает руководящую роль пролетариата в буржуазной революции при политике *союза*

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 60—61.

² Там же, т. 6, стр. 91.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, изд. 4, стр. 321—322.

² Там же, т. 10, изд. 4, стр. 427.

пролетариата и крестьянства, при политике *изоляции* либеральной буржуазии»¹.

Тактическая установка Плеханова в революции 1905—1907 гг. была меньшевистской установкой отрицания перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Плеханов выступал против основного тактического положения Ленина о пролетариате как единственном вожде революции 1905 г. в России. Он считал либеральную буржуазию революционной силой, выступал против политики изоляции либеральной буржуазии, за политику соглашения, прочного блока с кадетами, призывал покончить с «антилиберальным походом». Такая позиция в политике неизбежно приводила меньшевиков и Плеханова к подчинению пролетарского движения задачам буржуазии.

Плеханов отрицал, что в ходе революции пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, что только в союзе с крестьянством пролетариат может одержать победу над царизмом. Ещё в период «Искры» Плеханов выступил против ленинского лозунга о национализации земли.

Впервые Ленин выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян России для свержения царизма, помещиков. Ленин показал, что крестьянство в России кровно заинтересовано в ликвидации крепостничества, что поэтому крестьянство в борьбе с царизмом выступает как революционная сила. Весь ход русского общественного развития доказал правоту ленинских идей.

Плеханов же считал, что не с крестьянством должен сближаться пролетариат, а с либеральной буржуазией. «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»² (слова Плеханова, типичные для западноевропейских социал-демократов). Ленин назвал идею о реакционности крестьянства «чудовищной, идиотской, ренегатской».

Товарищ Сталин писал, что, поскольку этот план исключал из игры многомиллионное крестьянство в такой стране, как Россия, он был безнадежно утопичен, поскольку же он отдавал судьбу революции в руки либеральной буржуазии, он был реакционен.

Замечательное объяснение подобному отношению Плеханова и меньшевиков к союзникам пролетариата, характерному для партий II Интернационала, дал товарищ Сталин.

«Оно объясняется прежде всего тем, — указывал он, — что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти. А кто боится рево-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 67.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, изд. 3, стр. 120.

люции, кто не думает вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, — для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным»¹.

Вследствие этого меньшевики и Плеханов отрицали необходимость революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, считая Государственную думу центром революционных сил страны. Он считал, что социал-демократы должны выступать совместно с либеральной буржуазией с общей избирательной платформой и поддерживал кадетский лозунг полномочной Государственной думы².

Плеханов отрицательно отнёсся к вооружённому восстанию рабочего класса в декабре 1905 г.

Он называл бланкизмом деятельность по подготовке, по организации вооружённого восстания, требовал «воздержаться от бестактных выходов».

Он считал, что пролетариат якобы «зарвался», выдвинул «безумные» лозунги осуществления 8-часового рабочего дня и свержения самодержавия путём вооружённого восстания, тогда как можно было «мирной борьбой в Государственной думе притти к народовластию». Этими лозунгами и восстанием пролетариат оттолкнул от себя «старого союзника» — буржуазию и потерпел поражение. «Не надо было браться за оружие», — вот как отозвался Плеханов на героическое выступление рабочего класса.

Так в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Плеханов стал выразителем буржуазного влияния на пролетариат. Его политические взгляды приветствовали кадеты. Сам П. Струве на одном собрании в Петербурге заявил: «Плеханова многие считают кадетом; действительно, многое из того, что говорит Плеханов теперь, кадеты могут приветствовать; жаль только, что он этого не сказал тогда, когда кадеты были в одиночестве»³.

Как отмечает товарищ Сталин, «величайшая заслуга Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской «схемы революции», отдающей рабочее дело на съедение буржуазии»⁴.

В 1909—1911 гг., в годы столыпинской реакции, Плеханов сближается с Лениным, поддерживает большевиков в борьбе с ликвидаторством, разоблачает взгляды ликвидаторов, их проповедь легализма и отрицание подполья, нелегальной партии.

Под влиянием решительной борьбы большевиков против ликвидаторов Плеханов порвал с ликвидаторами. «Я борюсь

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 124.

² См. И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 33.

³ Газета «Товарищ» от 28 декабря 1906 г.

⁴ И. В. Сталин, О Ленине, 1950, стр. 15.

против него всеми зависящими от меня средствами», — говорил Плеханов о ликвидаторстве. Он вышел из редакции «Голос социал-демократа», где взяли верх ликвидаторы, порвал с Мартовым и Аксельродом и начал издавать «Дневник социал-демократа». Он обратился к Ленину с предложением вести совместно борьбу против ликвидаторов. Ленин принял предложение Плеханова, указав, что соглашение с меньшевиками-партияцами является соглашением «на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий в пределах партийной линии. . .»

В результате был создан временный партийный блок, выгодный для рабочего класса и губительный для ликвидаторов. Меньшевик Плеханов, указывал Ленин, энергично помогал в борьбе с ликвидаторами. Это было ценно, ибо Плеханов воевал с врагами рабочего класса.

Оставаясь в основных вопросах на меньшевистских позициях (о чём он сам пишет: «Я от всей души готов кричать: Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства, т. е. революционный меньшевизм!»¹), не поняв внутреннего родства меньшевиков и ликвидаторов, Плеханов вскоре вновь повернул к меньшевикам, стал защищать «единство» с ликвидаторами.

«... У Плеханова, — писал Ленин, — снова разыгралась его, десять лет назад начавшаяся, политическая болезнь шатаний и колебаний»².

Ленин блестяще раскрыл социальные корни колебаний Плеханова, беспочвенность его группы «Единство» (которую он создал в 1914 г. вместе с депутатом Государственной думы Бурьяновым), оторванной от рабочего движения. Ленин показал, что между борющимися течениями: ликвидаторским (черпающим свою общественную силу из сочувствия либеральной буржуазии) и революционным (черпающим свою силу в рабочем движении), возникают неизбежно колеблющиеся интеллигентские группки (в том числе и плехановская). «Общественной силы за ними нет, массового влияния на рабочих они не могут иметь, политически они — нули». «Отсутствие связи с массами, отсутствие исторических корней в массовых направлениях социал-демократии в России... отсутствие выдержанной, цельной, ясной, до конца определенной, многолетним опытом проверенной линии, т. е. ответов на вопросы тактики, организации, программы, — вот почва, на которой вырастает кружковая дипломатия, вот ее признаки.

Плехановская газета «Единство», как политический коллектив, вполне подходит под эти признаки. . .»³

В статье «Плеханов, не знающий чего он хочет» Ленин снова указывает: «Интеллигентские *антимарксистские* кружки, обломки буржуазной демократии — вот куда нечаянно попал бедный Плеханов... Пожалеем Плеханова — он заслужил лучшего своей борьбой с оппортунистами, народниками, махистами и ликвидаторами»¹.

Накануне первой мировой войны Плеханов окончательно разошёлся с большевиками, отошёл от марксизма.

В статье «Честный голос французского социалиста», написанной в 1915 г., Ленин говорил о революционной теории марксизма:

«Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К⁰»². Марксизм они понимают до крайности шаблоно, педантски.

Логика меньшевистско-оппортунистического развития привела Плеханова в период первой мировой войны к прямой измене марксизму. Произошло превращение Плеханова из социал-демократа в дюжинного либерала и шовиниста, стоящего на позиции ультраборончества. Империалистическая война 1914 г. была принята Плехановым как «священная», «оборонительная». «Война, ведомая теперь Россией, есть война оборонительная, а не завоевательная... Мы можем разить врага со спокойной совестью», — писал он в статье «Год на родине».

Вскрывая агрессивные планы германского империализма, разъясняя, что германский империализм чрезвычайно опасен, Плеханов вместе с тем пытался софистически оправдать свой социал-шовинизм: он выдавал империалистическую войну царской России за национально-освободительную, пытался к войне империалистической применить высказывания Маркса о национально-освободительной войне. Он совершенно не хотел видеть, что война 1914—1918 гг. была империалистической, реакционной, несправедливой с *обеих* сторон, войной за передел мира, что крупные империалистические государства, в том числе и Россия, преследовали одну цель — хищническое обогащение.

Плеханов не хотел понять того, что виновниками войны 1914 г. являются империалисты всех стран. Он ограничился анализом понятий оборонительной и наступательной войны, совершенно игнорируя конкретное изучение сущности и противоречий империализма. Он начал поиски виновников войны и повторил примитивную теорию «зачинщика» (доводы англо-французских шовинистов). Ленин в связи с этим писал:

«Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся... Плеханов даже и столь избитую

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIX, стр. 20.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 440.

³ Там же.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 287, 288.

² Там же, т. 21, изд. 4, стр. 321.

пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику»: во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы»¹.

Войну Плеханов рассматривал абстрактно, с точки зрения кантианского учения о вечном общечеловеческом нравственном законе, с точки зрения «простых законов нравственности и права». Есть насильник и жертва. Если насильник нападает, жертва должна обороняться. Плеханов не дал конкретного анализа содержания данной войны, он не поднялся до понимания марксистско-ленинского учения о войнах справедливых и несправедливых.

В революционную пору своей деятельности Плеханов боролся за прогресс России, за славное будущее великого русского народа. Но став меньшевиком, социал-шовинистом, Плеханов изменил трудящимся.

Плеханов отверг ленинскую революционную тактику в войне. Он исключал возможность революции в условиях войны против германского империализма, присоединился к буржуазии и защищал продолжение войны со стороны русского самодержавия. Он отказался от революционной борьбы с царизмом, поддерживал предательский лозунг о сохранении «гражданского мира» во время войны. Проповедь буржуазного лозунга «гражданского мира» привела Плеханова к полному примирению с царизмом и буржуазией.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Плеханов вернулся в Россию, в Петроград. Находясь во враждебном пролетариату либеральном лагере, он выступил против знаменитых «Апрельских тезисов» Ленина, указывавших путь перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он отрицательно отнёсся к Октябрьской социалистической революции. «Меня эти события (т. е. захват власти пролетариатом) огорчают», — писал Плеханов в своей газете «Единство» 28 октября 1917 г. Как и большинство западноевропейских социал-демократов, стоявших на позиции догматического марксизма, он считал, что Россия не созрела для социального переворота. «Совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса», — писал он в газете «Единство» 12 апреля 1917 г. Он полностью поддерживал теоретические догмы оппортунистов II Интернационала и считал, что, поскольку пролетариат в России представляет меньшинство населения, он ещё не созрел для захвата власти и взятие власти рабочим классом явится для России «величайшим историческим несчастьем»².

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, изд. 4, стр. 193.

² Г. В. Плеханов, О завоевании власти пролетариатом, газета «Единство» от 28 декабря 1917 г.

Великие вожди пролетариата Ленин и Сталин разбили эти догмы и показали, что в России в 1917 г. сложилась такая историческая обстановка, когда пролетариат, составляющий меньшинство в стране, мог сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс и победоносно завершить социалистическую революцию.

«Разве практика русской пролетарской революции, — сказал товарищ Сталин, — не показала, что эта излюбленная догма героев II Интернационала лишена всякого жизненного значения для пролетариата? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс бьёт и побивает эту обветшалую догму?»¹

Плеханов в тот период призывал к соглашению с буржуазным Временным правительством, поддерживал Корнилова. Товарищ Сталин показал, что Ленин пришёл в 1917 г. к выводу, что единственным выходом для России является победа социализма. Плеханов говорил тогда совсем иное, утверждая, что Ленин находится «в бреду». Но Ленин не убоился пойти «против течения, против косности. И Ленин победил»².

В статье «На пути к министерским портфелям» (март 1917 г.), разбирая резолюцию плехановской группы «Единство», в которой товарище призывались к участию во Временном правительстве, товарищ Сталин показал, что лозунг Плеханова означает: «... дайте, господа рабочие, заложников во Временное правительство Гучкова — Милюкова и извольте продолжать войну для... захвата Константинополя!»³ В статье «Муниципальная кампания» (май 1917 г.) товарищ Сталин, рассматривая промежуточные группы, колеблющиеся от революции к контрреволюции, говорил о «завзятом шовинисте» Плеханове, «который ещё в эпоху царизма, свернув знамя Интернационала, определённо стал под чужое знамя, под жёлтое знамя империализма»⁴.

Рабочий класс России отвернулся от Плеханова, изменившего революционным основам марксизма.

Умер Плеханов 30 мая 1918 г. в одиночестве, в санатории Питкяярви в Финляндии. Похоронен он в Ленинграде неподалёку от могилы Белинского и Добролюбова.

* * *

Г. В. Плеханов сыграл крупную роль в борьбе за всестороннее развитие передовой русской культуры, он продолжал и защищал её великие традиции. Ленин и Сталин высоко оцени-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 83.

² И. В. Сталин, О Ленине, 1950, стр. 85.

³ И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 72.

вают значение Плеханова в развитии революционной мысли в России. В 1913 г. Ленин писал:

«Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»¹.

Марксист Плеханов явился преемником и продолжателем прогрессивных революционно-демократических традиций предшественников марксизма в России. Как марксист он продолжил их борьбу против самодержавно-крепостнических порядков. Вслед за Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым он пропагандировал идеи социализма, но уже не утопического, а научного социализма Маркса и Энгельса.

Плеханов поставил перед собой задачу выяснить исторический путь развития передовой русской общественной мысли и сам немало сделал в этом изучении. Он первый указал на исключительную роль, которую сыграли Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов в идейно-политическом развитии России. Он разоблачал народнических фальсификаторов, своими «прибавлениями» и передержками искажавших философские и общественно-политические взгляды великих мыслителей 40—60-х годов XIX в.

В 1909—1912 гг. меньшевик Плеханов примкнул к борьбе Ленина и большевиков с буржуазными либералами «веховцами», эсерами и ликвидаторами, сознательно извращавшими историю передовой русской общественной мысли.

Известно, что буржуазные либералы, поблагодарив царизм за подавление революции 1905 г., начали оплёвывать русское освободительное движение, называя всю его историю «сплошным кошмаром». Именуя Белинского, Добролюбова, Чернышевского «вождями интеллигентов», а их взгляды «классическим выражением интеллигентского настроения», они поставили своей задачей причислить революционеров-демократов под «либералов» и тем самым свести на-нет их могучее и плодотворное революционное влияние на русское освободительное движение. Все эти Ашевские, Гершензоны, Ивановы-Разумники, Богучарские, прикрываясь именем русской литературы, занимались приспособлением взглядов великих революционных демократов к господствовавшей реакционной идеологии, искажали революционное наследие великих русских мыслителей XIX века.

Попытку выдать революционеров-просветителей за либералов разоблачил Ленин. Он показал, что либералы ведут войну против подлинно народной, демократической культуры трудящихся масс и защищают культуру правящих классов, маскируемую под «национальную» культуру.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4, стр. 16.

Плеханов написал в девятисотые годы ряд статей: «Н. Г. Чернышевский», «В. Г. Белинский», «В. Белинский и В. Майков», «Философские взгляды А. И. Герцена», «Герцен-эмигрант», «Речь на могиле А. И. Герцена», «О книге М. Гершензона «Исторические записки»», «Идеология мещанина нашего времени», «О книге С. Ашевского «Белинский в оценке его современников»» и др. Плеханов немало сделал для того, чтобы защитить философские, социально-политические и эстетические идеи Белинского, Герцена, Чернышевского. Ещё в 80—90-х годах он был одним из тех, кто решительно выступил против замалчивания революционных идей выдающихся представителей передовой русской общественной мысли. В многочисленных буржуазных историко-философских исследованиях Белинский, Герцен, Чернышевский развенчивались как самостоятельные мыслители и философы, а истинно русскими философами провозглашались идеалисты и мракобесы типа Юркевича, Вл. Соловьёва, Мережковского. Плеханов показал, что Белинский, Герцен, Чернышевский являются выдающимися русскими философами-материалистами, а их философские системы составляют серьёзное приобретение русской философии.

Однако Плеханов, не преодолев космополитических дворянско-буржуазных теорий, неправильно смотрел на идейное развитие Белинского, считал Белинского сначала гегельянцем, а впоследствии фейербахианцем. Плеханов ошибочно сводил материалистические взгляды Белинского, Герцена и Чернышевского к созерцательному, метафизическому материализму и антропологии Фейербаха. Полностью отождествив материализм классиков русской философии XIX в. с материализмом Фейербаха, Плеханов не мог выяснить оригинальности их философских взглядов и принижал значение классической русской материалистической философии.

В отличие от Ленина, который считал, что у классиков русской философии «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое», Плеханов не видел связи просветительства и утопического социализма Белинского, Чернышевского, Добролюбова с их боевым демократизмом. Он оторвал теоретическую деятельность Чернышевского, Белинского, Добролюбова от деятельности практически-политической. Сводя их социально-политические взгляды к буржуазному просветительству в обычном его понимании и к утопическому социализму, Плеханов не показал их как идейных вождей русской революционной демократии. Он главным образом стремился проследить логическую несостоятельность их идеалистического понимания истории в противоположность материалистическому.

Ленин в связи с чтением работы Плеханова о Чернышевском (издания «Шиповник» 1910 г.) заметил: «Таков же недостаток

книги Плеханова о Чернышевском»¹. «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»².

Плеханов не понял классовых корней мировоззрения русских материалистов 40—60-х годов. Он не понял своеобразия русских исторических условий, не увидел того, что в борьбе с дворянским течением либералов ширилось революционно-демократическое движение, идеологами которого были Белинский, Чернышевский, Добролюбов, представлявшие интересы угнетённого крестьянства.

* * *

Плеханов был талантливейшим русским публицистом и литературным критиком, знатоком мировой художественной литературы, особенно русской литературы, пользующейся всемирной известностью. Он показал развитие русской общественной мысли и русской литературы, значение творчества её лучших, прогрессивных представителей: Радищева, декабристов, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и других.

Ещё в 1888 г. в письме писателю 70-х годов народнику Степняку-Кравчинскому Плеханов предлагал написать совместно книгу «Правительство и литература в России» и показать, в каких тяжёлых условиях развивалась русская литература при царизме.

«Мы изложили [бы] в ней, — писал Плеханов, — мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева (предварительно в нескольких словах упомянувши о Крижаниче и Посошкове). Мы рассказали [бы] о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдаче в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского «от квартиры у Дуббельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебивали или ещё остаются в ссылке. Европа, восхищающаяся теперь русской беллетристкой, понятия не имеет о том, в каких ужасных условиях находится наша литература. Мы обязаны указать на то, что деспотизм был всегда самым ярым и непримиримым врагом ее»³.

Царское самодержавие тормозило развитие передовой, подлинно национальной русской культуры. Власть реакционеров

мешала развитию талантов, которыми так богат великий русский народ.

В своих работах, относящихся к лучшему, революционному периоду его деятельности, Плеханов доказывал, что борьба за политический и общественный прогресс, за беспрепятственное культурное развитие трудящихся масс должна вестись не только в форме мирной деятельности по насаждению культуры в рамках, дозволенных самодержавием, но прежде всего и главным образом в форме революционной борьбы.

Литературно-публицистические и искусствоведческие исследования Плеханова содержат большой материал о происхождении искусства, об искусстве и литературе различных эпох и народов, о литературной критике. К числу этих исследований необходимо отнести: «Письма без адреса» (1899 г.), «Народники-беллетристы» (1888—1897 гг.), «Судьбы русской критики» (1897 г.), «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905 г.), «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» (1905 г.), «Искусство и общественная жизнь» (1912 г.) и другие.

Плеханов писал не только по общим проблемам эстетики, но и по вопросам истории стилей и истории русской и западноевропейской литературы: французской, итальянской, английской, немецкой, польской. Он дал глубокий анализ буржуазного искусства XVIII и XIX веков.

Духовную жизнь общества, все формы идеологии, вопрос о происхождении искусства, теорию и историю искусства, вопрос о соотношении формы и содержания в искусстве Плеханов рассматривал в свете диалектического и исторического материализма. Он пропагандировал и защищал марксистское мировоззрение, утверждал принцип реализма в искусстве, раскрывал народность передовой русской литературы, подвергал критике различные буржуазные теории, в том числе символизм и декадентство, теорию «искусство для искусства». Он высмеивал натурализм и формализм в искусстве и литературе, выступал против безидейности, индивидуализма и мистики.

«Плеханов, — указывал товарищ Жданов, — много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу»¹.

Литературно-критические воззрения Белинского и Чернышевского оказали огромное воздействие на формирование мировоззрения Плеханова, на развитие его эстетических взглядов.

¹ «Ленинский сборник» XXV, стр. 221.

² Там же, стр. 231.

³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 388—389.

¹ А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 24—25.

Вслед за Белинским и Чернышевским Плеханов выступал глашатаем искусства для народа.

Плеханов защищал принципы материалистической эстетики. Субъективизму и произволу в области эстетики и литературной критики он противопоставил объективный, научный метод исторического материализма. Плеханов подчёркивал, что искусство есть общественное явление, указал на тесную связь философии и эстетики. «Философия не устраняла эстетики, а, наоборот, прокладывала для неё путь, старалась найти для неё прочное основание. То же надо сказать и о материалистической критике»¹.

Плеханов говорил: «Я глубоко убеждён, что отныне критика (точнее, научная теория эстетики) в состоянии будет продвигаться вперёд, лишь опираясь на марксистское понимание истории».

В известной работе «Письма без адреса» он даёт материалистическое определение искусства и указывает, что у науки и у искусства один и тот же объект познания и различны лишь их способы отражения мира. Наука отражает действительность в понятиях, искусство — в живых образах. Искусство выражает не только чувства, но и мысли людей. «Но выражает не отвлечённо, а в живых образах. И в этом заключается его самая главная отличительная черта»².

Плеханов показывает, что уже Белинский и Чернышевский дали правильное понимание предмета искусства. Он отмечал их мысль о том, что предметом искусства служит действительность, что содержание имеет решающее значение в искусстве. Плеханов прослеживает, как в русском искусстве вырабатывался принцип «искусства для жизни», искусство как средство полного воспроизведения жизни в её многообразии. «В самом деле, искусство недаром называется отражением жизни... Притом же искусство является отражением преимущественно общественной жизни»³. Плеханов подчёркивал, что Чернышевский, утверждая положение: «содержание искусства — это жизнь», «прекрасное есть жизнь», сделал открытие, гениальное в полном смысле этого слова⁴. Но это открытие Чернышевского явилось, указывает Плеханов, только зародышем того правильного воззрения на искусство, которое было сформулировано Марксом и Энгельсом.

Применяя общие положения марксизма к явлениям искусства, Плеханов показывал зависимость искусства и литературы от общественной жизни. Он говорил, что в противоположность идеализму, который рассматривает искусство лишь как особую форму человеческой духовной деятельности, независимой от

объективного мира и не имеющей реального содержания и социального значения, современный научный материализм учит, что искусство отражает не развитие духа, а действительную жизнь общества. Плеханов указывал, что понятия о красоте и эстетические вкусы определяются общественными отношениями, он с особой силой подчёркивал земной смысл искусства, пытался показать искусство как общественное явление. Он говорил: «Я держусь того взгляда, что общественное сознание определяется общественным бытием. Для человека, держащегося такого взгляда, ясно, что всякая данная «идеология» — стало быть, также и искусство и так называемая изящная литература, — выражает собой стремления и настроения данного общества или — если мы имеем дело с обществом, разделённым на классы — данного общественного класса»¹.

Защищая мысль о жизненности искусства, Плеханов боролся против теории «искусство для искусства», против хитросплетений идеалистической эстетики. Уже одна из его ранних статей «Реакционные жрецы искусства и господин А. В. Стерн» (1888 г.) направлена против сторонников этой реакционной идеалистической теории.

В искусстве содержание, подчёркивал Плеханов, имеет решающее значение. Пренебрежение содержанием нашло наиболее яркое своё выражение в декадентстве и футуризме, вызванных духовным упадком известных слоёв буржуазии с её приверженностью к антиреалистическим тенденциям.

Мысль Плеханова об идейности искусства и литературы была направлена против тех, кто провозгласил безидейность своим знаменем, кто развенчивал высокие идеалы, за которые боролась лучшая, передовая часть русского общества. Идейность Плеханов считает существенным, решающим моментом художественного творчества. Безидейное искусство, по Плеханову, есть продукт психологии буржуазии той эпохи, когда понятия, свойственные буржуазии, отличаются узостью и бедностью содержания.

Разбирая произведения Ибсена, Плеханов отмечает недостаточную определённости образов, элементы отвлечённости и субъективизма в его творчестве. Блуждания Ибсена в пустыне абстракций, его индивидуализм объясняются тем, говорит Плеханов, что Ибсен «не сделался идейным до конца»², а без содержания идейной глубины, «без идеи искусство жить не может»³. Ибсен не нашёл в окружающей его действительности средств для её перестройки, он держится буржуазной точки зрения и поэтому остаётся совершенно «недоступным для великих освободительных идей нашего времени»⁴.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 189.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 39.

⁴ См. Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 60.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 183.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 181.

Вслед за Белинским и Чернышевским Плеханов разъясняет значение истинных и вред ложных идей в искусстве. «Когда талантливый художник вдохновляется ошибочной идеей, тогда он портит своё собственное произведение»¹. Правильное научное мировоззрение имеет для художника решающее значение. «Когда мысль вооружена пониманием действительности, ей нет надобности итти в пустыню символизма»².

Народники-беллетристы Каронин, Наумов и другие оказались в плену ошибочного учения о крестьянской общине, о самобытном пути развития России. Эта ложная и узкая общественная идея привела Наумова и Каронина к неразрешимым противоречиям, художественное достоинство произведений было принесено в жертву ошибочному общественному учению.

В своих работах доменьшевистского периода Плеханов пытался проследить, какое влияние на искусство оказывают общественные отношения и борьба классов. «В цивилизованном обществе эволюция изящных искусств определяется борьбой классов»³.

С этой точки зрения он делал попытки рассмотреть французскую литературу и живопись XVIII в., смену различных жанров. Он указал, что на искусство в целом сильнейшее влияние оказывает господствующий класс, господствующая идеология.

Плеханов призывал рабочих создать свою, пролетарскую поэзию. Пролетариат является истинным носителем передовых идей современности, в нём Плеханов видел настоящего героя истории, у него должна быть и своя поэзия. В 1885 г. в предисловии «Два слова читателям-рабочим», предпосланном сборнику стихотворений «Песни труда», Плеханов писал:

«У вас должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихотворения. В них вы должны искать выражения своего горя, своих надежд и стремлений. . . И не одно только горе, не одно отчаяние найдёт в ней своё выражение. . . Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства»⁴.

Сравнивая некоторые стихотворения Г. Гейне, в которых прославленный поэт призывал людей создать земной рай, и отрывки из военной песни феодального трубадура XII в. Бертрана де Борна, воспевавшего войны и поединки, Плеханов заключал: «Одного вдохновляет мысль о просвещении, равенстве и счастье людей. Другой ничем так не восхищается, как

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 160.

² Там же, стр. 198.

³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, стр. 179.

⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 282.

видом трупов, «в которых торчит пронзившее их оружие». Похожи ли эти два рода поэзии один на другой? Какой из них лучше и возвышеннее? . . . Только рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи *труда и разума*»¹.

Однако в вопросе о партийности искусства Плеханов допускал серьёзные ошибки. Непонимание принципа партийности науки и искусства особенно видно в рецензии Плеханова на «Историю французской литературы» Лансона. Плеханов не понял, что в силу своей буржуазной ограниченности идеалист Лансон не мог правильно раскрыть суть литературных явлений, что он стремился приспособить французскую литературу к задачам буржуазного воспитания. Классовый, партийный смысл писаний буржуазного литературоведа Плеханов упустил из виду.

В отличие от Ленина, который неизменно подчёркивал публицистическую заострённость литературной критики, её классовый характер, её действительную роль, Плеханов считал, что задача критики заключается в том, чтобы, во-первых, перевести идею, идейный смысл художественных произведений с языка искусства на язык социологии; во-вторых, произвести оценку эстетических достоинств разбираемого произведения. При этом в конкретном разборе отдельных художественных произведений он нередко механически разграничивал общественные идеи и художественные достоинства того или иного произведения, разрывал форму и содержание. Это механическое разграничение имеется, в частности, в критическом анализе произведений народников-беллетристов.

В работах, относящихся к «социалистическому» (Ленин) периоду его деятельности, Плеханов подчёркивал, что критика должна произносить приговор над литературными произведениями, должна быть публицистической, социальной, политически направленной. В статье о Волинском (1897 г.) Плеханов указывал на то, что в определённые эпохи научная критика становится публицистичной. Он требовал вслед за Белинским и Чернышевским, чтобы литературная критика обращала внимание на активную общественно-идейную роль искусства в деле переустройства общественных отношений, на связь художественной литературы с общественно-политической борьбой.

Но впоследствии он отступил от этого взгляда. Став меньшевиком, Плеханов предал забвению положение о том, что искусство является орудием классовой борьбы и могучим средством воздействия на общественную жизнь. Ценность и значение литературно-критических работ Плеханова ослабляется его теоретическими и политическими ошибками. Развитие литературных, как и философских, взглядов Плеханова

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 284.

шло после 1903 г. не по восходящей, а по нисходящей линии. Это было обусловлено его общеполитической эволюцией в сторону меньшевизма и либерализма. Меньшевистская концепция русского исторического процесса, изложенная Плехановым в «Истории русской общественной мысли», определила ошибочность формулировок и по ряду вопросов эстетики и литературной критики.

Абстрактный подход к роли искусства в историческом процессе обусловил непоследовательность Плеханова при рассмотрении многих вопросов литературы и искусства, литературной критики. Стремление Плеханова искать ответы на конкретные вопросы в абстрактном логическом развитии общей истины сказалось и в оценке им творчества Льва Толстого.

Механически отделяя Толстого-мыслителя от Толстого-художника, как это делали буржуазные литературоведы, Плеханов не мог показать, что ложные, реакционные взгляды Толстого проявляются и в его художественных произведениях. Плеханов брал Толстого «отсюда и досюда».

В 1908 г. в России в связи с юбилеем Л. Н. Толстого кадетские писатели и интеллигенты-либералы (Милюков, Водовозов, Амфитеатров и др.) лезли из кожи вон, стремясь использовать учение Толстого, в частности «о непротавлении злу насилем», против освободительного движения. Они провозгласили Толстого «совестью России» и громкогласно объявляли, что «лучшим чествованием Л. Н. Толстого явится широкое распространение его идей». В ответ на приглашение принять участие в Комитете по чествованию Толстого Плеханов писал:

«Предложение, делаемое мне Вами от имени Вашего Комитета, могло бы быть принято мною лишь в том случае, если бы этот Комитет имел в виду чествовать Л. Н. именно, как художника, а не как публициста»¹.

Являясь в те годы меньшевиком-партийцем, Плеханов присоединился к Ленину и выступил против идеализации учения Толстого служителями реакции, в частности против «ликвидаторов», также подымавших на щит реакционные стороны учения Толстого. Разбор взглядов Толстого, мыслителя и художника, дан Плехановым в статьях: «Отсюда и досюда», «Смещение представлений», «Карл Маркс и Лев Толстой», «Ещё о Толстом» и др. В этих статьях Плеханов разъяснял смысл ошибочного и вредного для трудящихся социально-политического учения Толстого «о непротавлении злу насилем». Он высмеял попытки ликвидаторов превратить Толстого в учителя жизни и решительно отверг смехотворный призыв социал-демократа Базарова учиться у Толстого «социализму». В своих статьях Плеханов защищал марксизм от попыток ликвидаторов «дополнить» его толстовством.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 393.

Ленин с одобрением отнёсся к этим выступлениям Плеханова. Он писал А. М. Горькому: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О. . . , я в «Мысли». . . В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали редакцию»¹.

Но в отличие от Ленина, который усмотрел в творчестве Толстого глубокое и правдивое отражение основных черт той эпохи, Плеханов не сумел раскрыть всей противоречивости и сложности учения Толстого и не решил вопроса о месте великого писателя в общественном движении России.

Плеханов называл Толстого дворянским писателем. Он считал, что писатель может отражать идеи только того класса, из которого он вышел. Это был ограниченный, механистический подход к творчеству Толстого.

Противоречие творчества Толстого Плеханов видел лишь в «титаническом» противоречии между Толстым-художником и Толстым-мыслителем. Он давал лишь психологический, отвлечённый от общественной жизни анализ творчества Толстого. По мнению Плеханова, Толстой был совершенно равнодушен к общественным отношениям, к современности, «интересовался исключительно собой, анализировал свою собственную психическую жизнь».

В противоположность Плеханову Ленин указывал, что противоречия во взглядах Толстого это не противоречия только его личной мысли, а отражение сложных и противоречивых условий русского общества в пореформенную эпоху. Ленин показал, что творчество Толстого явилось «зеркалом русской революции», что в его художественных произведениях отражены противоречия общественной жизни России перед первой русской революцией, в частности противоречия и колебания крестьянства.

Ленин подходил к творчеству Толстого с точки зрения борьбы классов и нашёл в нём отражение основных черт той эпохи. Этого Плеханов не увидел. Меньшевистская оценка движущих сил революции 1905 г., непонимание революционной роли крестьянства в ней определили неправильную оценку Плехановым творчества Толстого.

Несмотря на все недостатки, Плеханов как писатель и публицист в вопросах литературы и искусства обнаружил много ума, таланта и знаний. Мы высоко ценим ясность литературного изложения, его выразительный язык и блестящий стиль. Плеханов выступал как горячий сторонник идейности и реализма в искусстве, своими марксистскими произведениями он прославил народную русскую культуру и талантливо защищал лучшие традиции великой русской литературы.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 57.

Деятельность Плеханова началась в «мирный» период развития капитализма, в период господства оппортунизма II Интернационала, когда «вопросы о великих столкновениях классов, о подготовке пролетариата к революционным схваткам, о путях завоевания диктатуры пролетариата не стояли тогда, как казалось, на очереди»¹.

Будучи виднейшим авторитетом и лучшим теоретиком II Интернационала, Плеханов в целом не поднялся над уровнем II Интернационала. Он принадлежал к группе марксистов, ограничивавшейся «внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мёртвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учёте практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом — такова основная болезнь этой группы. . . Имя этой группы — меньшевизм (в России), оппортунизм (в Европе)»².

Основной порок вождей II Интернационала — отрыв теории от практики, философии от политики, догматизм — был главным пороком также и Плеханова. У Плеханова был разрыв между общетеоретической формулировкой диалектического материализма и применением его на практике. Слова Плеханова о революционной теории не нашли применения на деле, марксистская диалектика не являлась для Плеханова руководством к действию.

Ленин писал о словах и делах вождей II Интернационала (Каутском, О. Бауэре и др.): «Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике. . . но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова»³.

Плеханов не понял новой исторической эпохи в развитии капитализма — эпохи империализма, эпохи революционных потрясений и битв, требовавшей пересмотра старых методов работы и крутой ломки в деятельности социал-демократических партий. Плеханов не понял, что в этих новых условиях, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной

практики, партии II Интернационала обанкротились и стало необходимо создание партии нового типа, партии большевизма, решительно рвущей с оппортунизмом.

В своей статье «Ленин как организатор и вождь РКП» товарищ Сталин относит Плеханова к типу вождей «мирного времени», сильных в теории, но слабых в делах организации и практической работы. С наступлением революционной эпохи вожди такого типа неизбежно сходят со сцены, уступая место другим людям.

«Русская революция ниспровергла немало авторитетов, — писал товарищ Сталин в статье «Окружили мя тельцы мнози тучны». — Её мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», брала их на службу, либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у неё. Их, этих «громких имён», отвергнутых потом революцией, — целая вереница. Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые тем только и замечательны, что они *старые*»¹.

Плеханов не стоял на позиции творческого марксизма. Цепляясь за букву заученных формул и отдельных положений марксизма, Плеханов не мог поднять марксизм на высшую ступень, развить дальше диалектический и исторический материализм, как это сделали Ленин и Сталин в соответствии с новой эпохой и новым опытом классовой борьбы. Плеханов оказался неспособным к выполнению новых задач, вставших перед марксистской философией в эпоху империализма и пролетарских революций.

Исторической заслугой Плеханова в лучшие годы его деятельности является распространение марксизма в России. Он первый из русских марксистов выступил с критикой народничества и развернул блестящую защиту марксистской теории, в частности философии диалектического материализма.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 386.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 150.

² И. В. Сталин, О Ленине, 1950, стр. 5—6.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 235.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Т. Иовчук.</i> Об исторических особенностях и основных этапах развития русской философии	3
<i>О. В. Трахтенберг.</i> Общественно-политическая мысль в России в XV—XVII веках	67
<i>Г. С. Васецкий.</i> Философские взгляды М. В. Ломоносова	96
<i>И. Я. Щипанов.</i> Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева	122
<i>М. Т. Иовчук и И. Я. Щипанов.</i> А. И. Герцен — классик русской философии XIX века	163
<i>И. Я. Щипанов.</i> В. Г. Белинский — великий мыслитель и революционный демократ	226
<i>В. Е. Евграфов.</i> Философские взгляды Н. Г. Чернышевского	304
<i>М. Т. Иовчук.</i> Философские и общественно-политические воззрения Н. А. Добролюбова	402
<i>А. Н. Маслин.</i> Мировоззрение Д. И. Писарева	437
<i>И. Я. Щипанов.</i> Философские воззрения М. А. Антоновича	467
<i>В. М. Каганов.</i> Философские воззрения И. М. Сеченова	495
<i>Н. Г. Тараканов.</i> Борьба И. П. Павлова против идеализма в естествознании	542
<i>Г. С. Васецкий.</i> Философские взгляды Д. И. Менделеева	564
<i>Г. С. Васецкий.</i> Философские воззрения К. А. Тимирязева	582
<i>П. Т. Белов.</i> Учение И. В. Мичурина—диалектический материализм в биологии	602
<i>В. А. Фомина.</i> Роль Г. В. Плеханова в распространении марксистской философии в России	629
<i>М. Т. Иовчук.</i> Ленинизм и русская материалистическая философия	704

Р.г 948 ✓

П. 1953 г.
 Н-166/1.

Редактор *П. Павелкин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Подписано в печать с матриц 10/VII 1952 г. Тираж 25000 экз. (30001—55000). М-34168.
 Бумага 60×92¹/₁₆. Объем 231¹/₁₆ бумажных. 47¹/₂ печ. листов. 43,2 изд. листов. Заказ № 258.
 Цена 12 р. 60 к.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата
 при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

